

STALKER

Тим Волков

[СТРАЖИ АРМАДЫ]
ТОЧКА ОПОРЫ

Тим Волков
Стражи Армады. Точка опоры
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Стражи Армады», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29612137
Стражи Армады. Точка опоры : [фантастический роман] / Тим
Волков: Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106412-9

Аннотация

Падь – место, где жуткие аномалии подстерегают на каждом шагу беспечных странников, а мутанты давно ведут себя здесь по-хозяйски. Но это далеко не все беды, с которыми каждый день приходится встречаться простому сталкеру.

Алексей Изотов становится главным подозреваемым в преступлении, которого он не совершал, – убийстве друга. Волею обстоятельств Алексей вынужден плечом к плечу с тем, кому жаждал отомстить, пройти сложный, полный опасностей путь, выполнить задание Армады, балансируя на самом краю пропасти, и остаться при этом в живых.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	40
Глава 3	69
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Тим Волков

Стражи Армады.

Точка опоры

*Жизнь — это совокупность явлений,
противящихся смерти.*

М.Ф.К. Биша

© Волков Т., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

В кровавом месиве ничего не видно, но я настойчиво иду вперед. Надо отвоевать место для маневров. И вот уже зомби практически отбиты к центру, но вмешивается их главарь. Словно паук, он прыгает с потолка, выдергивает оружие у меня из рук. Автомат летит прямо в огонь, и я с сожалением провожаю его взглядом. Монстр издает жуткий, с присвистом, рык и обрушивает на меня удар такой силы, что я перелетаю через пролом и впечатываюсь в стену, где, еще не успев сползти, слышу, что враг уже карабкается по стене, направляясь ко мне.

Отвертка. Надо найти ее. Иначе – мне крышка. Беглый взгляд – и я нахожу ее – невдалеке от себя, балансирующую на самом краю провала. Сердце замирает. Внизу, на первых этажах, вновь что-то грохочет, от тряски инструмент – моя единственная надежда на спасение – едва не падает в пропасть. В прыжке я успеваю поймать ее, уже летящую в огненный океан.

Но радость от этой маленькой победы гасит хриплый лай – это монстр, спустившийся с потолка, готовится нанести мне последний, смертельный удар.

Все происходит в считанные мгновения. Я лишь успеваю уловить из общего шума крик ужаса, а потом все будто застигает пеленой.

Монстр поднимает меня за шкуру одной клешней – легко, как пушинку. Держит, чтобы я никуда не юркнул. Держит крепко. Так, что трещат кости. Замахивается второй клешней, собираясь снести мне голову. Его невероятная сила позволит ему сделать это легко и непринужденно. Его изуродованное мутацией лицо – теперь и не лицо вовсе, а морда зверя, – находится совсем близко, обдавая меня липким, мерзким зловонием, исходящим из его пасти. Красный, похожий на бильярдный шар глаз, не мигая, смотрит на меня в упор, пытаясь отыскать во мне признаки страха. Но страха нет.

«Вот и конец», – успеваю подумать я за секунду до того, как кровавый фонтан начинает хлестать из смертельной раны, обрывая жизнь.

Часть первая

Венцы тлена

Глава 1

Ветер на плахе

Порой, после тяжелых походов, где приходилось сталкиваться в неравном бою с кровожадными тварями, ночами мне снились кошмары: я блуждаю среди растерзанных тел моих друзей и кричу от бессилия и горя, потому что не успел прийти им на помощь. Но даже в самом жутком сне не мог я представить, что подобное случится наяву.

Брандт лежал передо мной – мертвый, холодный как камень. На его бледном лице застыла посмертная маска ужаса, но было видно, что он до последнего вздоха яростно отбивался от нападавших. Его искалеченные ладони до сих пор сжимали треснувшую от ударов, заляпанную кровью клюку. Страшная картина, которую я запомнил на всю жизнь.

Брандт был моим другом, старшим товарищем и наставником. Он щедро делился со мной своим богатым сталкерским опытом: учил, как правильно искать и добывать артефакты, много рассказывал про аномалии и про то, как их обходить или обезвреживать...

Да, мы часто с ним спорили, но больше в шутку. Помогали друг другу во всем. Он заменил мне отца, которого, к слову, я никогда не знал.

Раньше о Брандте ходили легенды по всей Пади. Но как ему перевалило за семьдесят, так он сдал позиции. Когда умерла его жена, старик и вовсе затосковал. Пить крепко начал. Потом вроде успокоился, отошел. Магази́нчик открыл, стал приторговывать артефактами да безделушками на потребу толпе. Я ему тоже время от времени разный товар подкидывал, но всегда старался принести самое лучшее. Порой даже «рубин» добыть удавалось. Брандт не обижал, платил по совести. Хотя, если честно, старик сам же на многие находки меня и наводил. Он словно чувствовал, что в положенном месте схрон есть. Бывало, зайдешь к нему в магазинчик, а он уже насаждает. «Возле ручья, у Чертовых Глаз, «землеройка» прошлась. Надо глянуть, «кротовик» поискать. Там он, голубчик, чует моё сердце!» Отмахнешься поначалу – вроде как от мухи надоедливой. А потом прислушаешься, сходишь и проверишь – больше для успокоения собственной души. Глядишь, а там и вправду «кротовик» лежит. Всегда сбывались его предсказания. Вот что значит опыт. А может, и еще чего.

В этот раз я тоже по его наводке ходил – за Кордон. Нашел «глаз», еще кое-чего по мелочи. Шел – едва не сиял от счастья. Вернулся, хотел Брандта обрадовать. А тут такое...

Все вверх дном перевернуто, пол усыпан осколками стек-

ла, полки, на которых старик камни раскладывал, – какие сорваны, какие висят на одном гвозде, шкафы выпотрошены, стол расколот надвое. А в углу – мертвый Брандт...

Наверное, с минуту я стоял в полном остолебении. Просто не знал, что делать. Смотрел на изувеченное тело и почему-то очень жалел лишь о том, что бросил курить.

Потом пришел страх – леденящий, с мурашками по коже. Чего испугался? Не знаю. Может, одиночества. Все равно что без отца остался. Из родни – только мать да брат, они на Блокпосте жили. Я редко у них бывал: заходил раз в полгода – денег подкинуть да поведать про дела и здоровье. А больше никого. Вместе со страхом пришла боль. К горлу подкатил ком, а на глаза невольно навернулись слезы.

Вопросы начали одолевать не сразу. Но когда первый из них – кто убил Брандта? – пробил моё замешательство, как тут же, следом, в мысли ворвалась целая стая других: «За что убили? Кому он помешал? Где сейчас эти сволочи? А может, убийца действовал в одиночку? Есть ли свидетели? Может быть, кто-то что-то слышал?»

Я выругался от души на самого себя за то, что потерял драгоценное время, пребывая в прострации. Возможно, убийца, или убийцы, – где-то рядом. Если целью этого погрома было обычное воровство, то далеко уйти злодей не мог – у Брандта хранилась слишком большая коллекция драгоценных артефактов: поднять такую ношу не каждому под силу, а унести – и подавно.

Нервно облизывая пересохшие губы и оглядываясь по сторонам, я стал искать хоть какую-то зацепку. Любую мелочь, способную натолкнуть на след.

Но все было напрасно.

Время неумолимо убегало, я злился. Только в последний момент, уже потеряв всякую надежду и собираясь просто сорваться с места в слепую погоню, я заприметил белеющий между пальцев Брандта клочок бумаги. Видимо, старик сжимал его в руке даже тогда, когда отбивался клюкой.

Я наклонился, невольно вздрогнул, встретившись взглядом с его полузакрытыми стеклянными глазами, смотрящими в пустоту. «Вот так, дружище, – подумал я. – Вот и ты нашел свой покой, хоть и такой дорогой ценой. Много мучений выпало на твою долю, и даже смерть ты встретил не в теплой постели, в кругу близких родственников, а в бою, как настоящий воин. Надеюсь, там тебе это зачтется. Я же обязательно отомщу за тебя».

Перед глазами всплыла картина давно минувших лет. Я, совсем еще пацан, бегу со всех ног, и Брандт, тогда казавшийся мне гигантом, с неизменной спичкой в уголке рта на пример крутых парней из боевиков, что-то кричит. Я не слышу, слишком далеко, да и адреналин бьет по ушам. Непомерно велико мое счастье – первый раз подстрелил свинорыла. Я до того рад своей удаче, что не сразу замечаю тревогу на лице старика. Какое-то время еще продолжаю бежать, по инерции, когда Брандт вдруг срывается с места и мчится

мне навстречу.

Отчетливо помню ручейки горячего воздуха, текущие вверх от земли. «Странно, – проскальзывает мысль. – Погода ведь не такая уж и жаркая. Даже прохладно». И тут же мою ногу пронзает нестерпимое жжение. С ужасом представляю, что меня ужалила змея. Отдергиваю ногу, смотрю вниз. Но все гораздо страшнее: я наступил во что-то бурлящее, источающее вязкую смесь запахов сырости и тухлого мяса. Я тут же покрываюсь испариной – отчасти из-за того, что вокруг меня мгновенно подскочила температура воздуха, отчасти из-за осознания того, во что я вляпался. Это «парилка». Аномалия, которая варит. Да, Брандт именно так и говорил: «Парилка» – это тебе не кулек семечек, это аномалия, которая варит». Каюсь, котелок у меня на плечах, в отличие от «парилки», в тот момент вообще не варил. Еще минуту назад я прикончил целого свинорыла, совсем как взрослый, а теперь так нелепо, по-детски, попал в объятия этой дрянной штуковины.

Все эти мысли посетили меня в долю секунды. И даже осталось время попрощаться с собственной недолгой жизнью.

Но подоспел Брандт. Молниеносно. Сколько лет прошло, а я все задаю себе вопрос: как он смог эти триста метров за пять секунд преодолеть? В общем, спас он меня тогда. Сам весь обжегся, но меня от верной гибели спас.

«А я вот не уберег тебя, Брандт. – На душе стало гадко. –

Отомщу за тебя, друг».

Я с трудом разжал пальцы покойника, вытащил записку. И только я успел распрямиться, как мне в спину, аккуратно промеж лопаток, с сухим щелчком затвора, уперся ствол ружья.

– Стоять! Руки вверх!

Пришлось повиноваться.

– Медленно повернулся ко мне! Только смотри, без шуточек! Мигом пулю схлопочешь! Давай!

Скрипя зубами, я исполнил приказ. Передо мной стоял мужчина: сухой и крепкий, как гвоздь в крышке гроба; весь словно вылепленный из сплетённых стальных жгутов. – Он казался худым, даже тощим, но сразу было понятно, что это обманчивое впечатление – только на первый взгляд, до первой драки.

Лицо незнакомца было похоже на череп: глубоко посаженные глаза, кожа, так туго обтягивающая скулы и лоб, что казалась прозрачной. На висках редкие волосы серебрились сединой.

– Кто таков? – спросил он, сощурившись и оглядывая меня с головы до ног.

– Меня зовут Алексей. Я...

– Брандта ты убил? – перебил он.

– Нет! Не убивал... – попытался возразить я, но тут же получил крепкий удар прикладом по лицу. Глаза тут же застилал кровавый туман. Уже падая, я услышал, как в магазин вламываются еще какие-то люди. Кто-то, слегка картавя,

спросил, что произошло. Тот, кто огрел меня, ответил:

– Вот этот Брандта уколошил.

И на меня тут же обрушился град ударов.

Я утонул в водовороте черноты...

* * *

В лицо мне брызнули холодной водой, следом добавили звонкую оплеуху. Это быстро привело меня в чувство. Я дернулся, попытался встать, но понял, что руки и ноги мои туго стянуты веревками. Я быстро оглянулся вокруг. Этот беглый взгляд привел меня к к неутешительным выводам: дела мои были плохи. Я находился в подвале магазина, привязанный к стулу, окруженный какими-то головорезами, вооруженными автоматами.

– Очнулся, голубчик! – протянул кто-то за моей спиной. – Ну что, говорить будем или как? – Незнакомец обошёл стул, к которому я был привязан, встал передо мной и кивнул помощникам. Еще одна пощечина заставила меня застонать в ответ:

– Что говорить?

– Сам знаешь что. С самого начала рассказывай, сволочь, как Брандта убивал, как и куда артефакты прятал...

– Не убивал я его!

Тяжелый удар в живот быстро усмирил моё возмущение. Тупая боль расплзлась по телу, все поплыло перед глазами.

– А вот врать не надо! Убивал-убивал! И артефакты куда-то дел. А вот куда, ты нам сейчас и расскажешь. Подробно и без утайки.

– Какие... артефакты... – только и смог выдавить я.

– Разные, – уклончиво ответил незнакомец. – Говори всё как есть, тогда у тебя появится шанс на получение небольшого смягчения приговора. Это говорю тебе я, Порох.

Я поднял взгляд, чтобы увидеть того, о ком так много раз слышал. «Ага, значит, ты и есть Порох. Гад, каких поискать надо». В Тополях – деревушке, где жил Брандт, – Порох формально был кем-то вроде представителя власти, на самом деле являясь обыкновенным бандитом, поставленным своим хозяином, Фараоном, следить за поселком и «доить» мирный люд. Вот и Брандт, насколько мне было известно, хорошо задабривал его в обмен на возможность спокойно вести свои торговые дела.

Иногда Порох давал задания старику. В последний раз бандит даже объявил крупное вознаграждение тому, кто найдет какой-то ценный арт. Я хотел взяться за дело, да только Брандт отговорил, сказав, что связываться с Порохом – себе дороже. Оно и понятно.

И вот Брандт мёртв. А значит, исчез и дополнительный заработок Пороха. И стрелки все сошлись на мне. «М-да, вот же влип!»

– Я честно не знаю, о каких артефактах вы говорите, да и Брандта...

Порох в отвращении скривился.

Порция ударов кучно прилетела мне в живот. Били умело, чувствовался опыт.

– Давай так сделаем, – произнес Порох. – Ты, видимо, не понимаешь всю серьезность ситуации. Я тебе объясню. Не в моих это правилах, но я всё же объясню. Вот видишь пистолет. – Порох достал из кобуры оружие. Спрятанные в кожаные перчатки ладони со скрипом обхватили рукоять. – Мы тебя сейчас выведем на мороз и шлепнем там. Я тебя сейчас не запугиваю, а просто говорю как есть. Возиться с тобой у меня нет никакого желания. Поэтому я еще раз спрошу, а ты подумай. Хорошенько только подумай – я второй раз спрашивать не буду.

Ствол пистолета уперся мне в лоб.

– Где артефакт, который ты у Брандта спер?

«Что сказать ему? – заметались мысли в голове. – Со-
врать? Пожалуй, стоит попробовать. Это не спасет меня, но
время можно оттянуть. Только что сказать?»

Мое смятение заметил один из бандитов – тот, который
меня вырубил. Он подошел ко мне вплотную и вяло спросил:

– Не будешь говорить, да?

Я неопределенно пожал плечами. Приготовился получить
очередную порцию ударов, но мужик в задумчивости отошел
от меня, что-то шепнул на ухо Пороху. Тот на секунду задумался, потом кивнул. Уходя в другую комнату, он бросил:

– Давай, уводи его.

От этой фразы мне почему-то стало не по себе. По спине пробежал холодок. Я спросил, куда меня собрались уводить, но мне не ответили. Да уже и не требовалось – молчание было красноречивее всех слов.

* * *

По заснеженным улицам брошенного города меня вели на казнь. Пронизывающий ветер трепал мои волосы и больно стегал по щекам горстями колючего снега. Шапку я оставил в магазинчике, о чем теперь сильно жалел. Мокрая одежда неприятно липла к телу и студила кожу.

Конвой состоял из пяти человек. Впереди всех со связанными за спиной руками шел я. Чуть позади скрипели снегом два детины с автоматами наперевес и с фиолетовыми от холода носами. За всю дорогу они, как и я, не проронили ни слова. Следом шел тот, кто поймал меня. Даже спиной я чувствовал его прожигающий взгляд. Завершал процессию Порох. В самый последний момент, когда меня уже выводили на улицу, он решил присоединиться, прихватив с собой пистолет.

Стоял промозглый холод. Из-за крыш пятиэтажек высывались, словно живые, щупальца странного тумана, возникшего явно под действием каких-то аномальных сил. С севера шли густые свинцовые облака. Значит, к вечеру снегопад должен был усилиться.

Я знал то место, куда меня вели. Бывал пару раз. Городская свалка. Когда-то – детская игровая площадка и небольшой жилой массив, состоящий в основном из пятиэтажек, теперь же – полигон захоронения отходов. Сюда люди свозили весь зловонный мусор и зараженные, не годные в пищу трупы животных. Здесь же, вдоль заросшего парка, располагалось кладбище. «Там меня и шлепнут», – обреченно подумал я.

Еще издали я услышал крик воронья. Словно рваные лоскуты черного тряпья, подхваченного сильным ветром, кружили они над белым полем. Лежалый позавчерашний снег спрессовался, образуя крепкий щит; птицы тщетно пытались пробить его, чтобы добраться до смерзшихся помоев. И лишь неистово клевали крупчатый снег да хрипло ругались, недобрый словом поминая своих птичьих богов. Где-то вдали завывали дикие собаки. Видимо, почуяли предстоящее пиршество.

– Стой! – приказал Порох. Верзилы тут же подскочили ко мне, схватили за плечи и развернули лицом к палачам.

Главарь стоял в центре небольшой снежной проплешины, расположенной между полуразрушенной пятиэтажкой и прогнившим до остова «уазиком», – невысокий мужчина, с лицом, какое увидишь и тут же забудешь – ни одной детали, за которую можно было бы зацепиться взглядом. Разве что розовая, с жемчужину, бородавка около левого уха. Порох стоял прямо (чувствовалась армейская выправка), бережли-

во прижимая правую руку к груди, словно она была стеклянная и он боялся ее выронить и разбить.

Бандит окинул меня мрачным взглядом из-под насупленных бровей. Потом оглядел местность, скомандовал палачам:

– Давайте тут. – Он указал на руины пятиэтажки. – Далеко не будем ходить. Сюда его, к стенке ставьте.

– Руки, может, освободите? А то как собаку какую... Последняя просьба – закон. Закурить не прошу, – несильно веря в успех, спросил я. Порох мгновение подумал, потом махнул детинам.

– Ладно, развяжите, все равно дальше кладбища не убежит.

Те нехотя освободили мне руки. Я потер запястья, пожег и плотнее запахнул куртку. Стремительность событий, с которой я от лавки Брандта за каких-то пару часов оказался вдруг у расстрельной стены, выбила у меня из-под ног почву. Я стоял в снегу и лихорадочно пытался придумать, что же делать дальше: «Броситься на конвоиров? Нет, даже не успею в горло вцепиться – срежут автоматом. Что тогда? Что?!»

– К стенке иди, – в самое ухо мне пробасил один из палачей. В нос ударил крепкий запах лука и табака.

Увязая в сугробе, я подошел к стене здания. На ней еще виднелась выцветшая за долгие десятилетия надпись: «Улица Гагарина». Стена дома была усыпана мелкими дырочками

– следы от пуль и точки в чьих-то жизнях.

Палачи долго топтались на месте, ежась от холода. Порох и его помощник что-то хмуро обсуждали. Снег под ногами превратили в кисель. Наконец главарь обратился ко мне с последней речью. Его чугунные фразы грохотали, словно рельсы под каким-то чудовищным локомотивом.

– Все мы прекрасно понимаем, для чего тут собрались. Ты убил Брандта. Брандт жил в моем поселке. Жил по совести, по правилам. Хорошим человеком был. А ты его так жестоко прикончил. Так что не обессудь. У нас в Тополях законы простые, мы долго говорить не любим. Убил – ответь. За все надо отвечать. Сечешь? Так что властью, данной мне, я приговариваю тебя к смерти. Сказать есть что?

– Прямо как работник ЗАГСа говоришь: «властью, данной мне...» – со вскипающей злобой начал я, но договорить не успел – получил под дых и, сгибаясь от сильной боли, медленно повалился в снег. Кто-то из палачей одобрительно хохотнул.

Передать весь спектр чувств и мыслей, переполняющих меня в ту минуту, не хватило бы никаких слов. Тугой клубок из дикого страха, навалившейся вдруг усталости, обжигающей злости, отчаяния и полного отрешения. В какой-то момент мне все стало безразлично. В бетонных скелетах пятиэтажек и разрушенных ржавых качелях я видел больше жизни, чем в этих людях. Да они и не люди уже были, а тряпичные куклы, движимые порывами ветра, что колышет их за

ниточки. Я вдруг понял, что не страшно умирать в таком сумасшедшем мире. Здесь все уже мертвы. И лишь оболочки, тела, по инерции бродят по своим делам. Только мать было жалко: «Как она теперь без меня? Брат – совсем пацан еще, потянет ли? Восемнадцатый год идет. Взрослится, рвется все к сталкерам, в вылазку сходить. Да опыта нет».

Подумал, что надо вспомнить что-то хорошее, что-то приятное и вечное, просто чтобы не думать о своей смерти. Но в голову, как назло, ничего такого не лезло. Наоборот, вспомнились какие-то пустяковые глупые вещи: как я по весне, когда ходил за Кордон, набрел вдруг на заросли крапивы и как пришлось обходить ее стороной; как неделю назад красил оконные рамы в магазинчике Брандта; как прошлым летом в походе сушил над костром вымокшие ботинки, а они дымились, словно какое-то экзотическое блюдо.

Я поднялся, вдохнул поглубже морозный воздух. Взглянул в небо. «Не хочу, чтобы последнее, что я увижу, были тупые рожи палачей. Уж лучше небо. Глубокое, синее...»

Вновь завyla дикая собака. Уже совсем близко. Один из толстолобых громил что-то сказал. Слов я не разобрал, но в голосе его явно сквозило беспокойство. Порох в ответ лишь рявкнул:

– Заряжай!

– Вон там! Стойте! – пробасил второй боец. А потом сорвался на истошный крик. Совсем рядом раздался осипший лай, переходящий в уробный рык. Я опустил глаза, пытаюсь

понять, что случилось... и обмер.

Дикие собаки все это время шли по нашему следу – бесшумно, по только им ведомым тропам. Подкравшись сзади, стая сразу же атаковала.

Один из бойцов, сбитый с ног, барахтался в ярко-красном от крови снегу, пытаясь скинуть с себя огромного лохматого зверя. Пес остервенелое рвал человека, не давая дотянуться до оружия. Еще с десятков собак окружили остальных людей, бросаясь под ноги, пытаясь повалить добычу на землю.

Ко мне псы подойти боялись, опасливо поглядывая на щупальца тумана, высовывающиеся из черных квадратов окон дома.

Не дожидаясь приказа, бандиты начали вразнобой стрелять по зверю. Самых ретивых собак, сунувшихся вперед, изрешетили в фарш. Но, видимо, вконец оголодавшие, собаки продолжали наступать, надеясь на знатную пирушку.

– Стреляйте им в головы! Они бешеные, им пули в тело – нипочем! – отступая, крикнул Порох.

Свинцовый град стал плотнее, стая заметно поредела. Со стороны людей тоже имелись потери – один из бойцов валялся в снегу с вывороченным животом.

Пока все отвлеклись на схватку с хищниками, я рванул что было сил вдоль стены здания. Не сильно заботясь о странном тумане, добежал до подъезда и юркнул в него. Но не успел я обрадоваться своему спасению, как за спиной загорланили:

– Убегает! Держи его!

Голодные псы, понимая, что шансов совладать с вооруженными людьми у них мало, начали неохотно отступать.

– Поймать любой ценой! Три шкуры спущу, если упустите! Убейте его! – вопил Порох, выкашивая псов, которые все же решили уйти подобру-поздорову и теперь, поджав хвосты, прорывались сквозь шквальный огонь назад, к своим тайным тропам.

Чуть выше моей головы свистнули первые пули, обсыпав меня штукатуркой. Пригнувшись, я бросился в сторону от выхода, укрылся за несущей стеной. План побега сформировался быстро. Сообразив, в какой квартире окна должны выходить на противоположную сторону улицы, я рванул к нужной двери и вбежал внутрь.

Минуя закопченный давним пожаром коридор, больше похожий на пещеру, я вошел в кухню. Да, чутье меня не подвело. Окна отсюда и в самом деле выходили на другую сторону заросшего двора.

Под ногами раздалось шипение и писк. Крысаки. Целый выводок. Медлить было нельзя. Замешкаешься – облепят со всех сторон и сожрут в два счета. Пнув самую наглую тварь так, что она отлетела в сторону, я забрался на подоконник.

Но выпрыгнуть наружу мне помешала какая-то неведомая сила. Меня затянуло назад, в кухню, швырнуло в стену и поволокло к старенькому проржавевшему холодильнику. А потом эта сила так же неожиданно меня отпустила. Чертыха-

ясь, я огляделся. Никого. Лишь тонкие белые дымные нити, стелющиеся по полу от холодильника ко мне.

Попытка встать не увенчалась успехом – белёсые змейки тумана стремительно обвили мои ноги, повалили меня на пол. «Так вот чего так испугались дикие псы!» – понял я.

Я вновь попытался вырваться. Сдирая о бетонную крошку руки в кровь, ползком, мне удалось преодолеть добрую половину комнаты, как вдруг за спиной что-то пронзительно лязгнуло и закрипело. Дверца холодильника раскрылась настежь, обнажая его черную утробу. Я оглянулся, пытаюсь оценить масштаб проблемы. И невольно вскрикнул, когда увидел, что вся внутренняя поверхность холодильника заросла грязно-красной губчатой массой, похожей на густую пену. В том месте, где должна была располагаться морозильная камера, теперь находился плотный бугристый комок, из которого на меня не мигая глядели три желтых без зрачков глаза. Весь нижний отсек был усыпан мелкими костями грызунов. Там же, среди останков крыс, что-то шевелилось, издавая отвратительные булькающие звуки.

Меня обдало волной крепкого смрада. Я еще сильнее попытался прочь, едва сдерживая готовый вырваться из горла крик ужаса. «У твари нет шеи, – промелькнула мысль. – Поэтому она не видит тех, кто находится ниже уровня ее взгляда, и питается случайно забредшими сюда с помойки крысками, выстегивая их при помощи своих щупалец, которые я принял сначала за туман».

– Вот он, я нашел его! – радостно крикнул забежавший в квартиру боец. Обращаясь уже ко мне, он сквозь зубы процедил:

– Щас я тебя шлепну, гаденыш.

Однако выполнить обещание не успел. Только его нога ступила на порог кухни, как щупальца стремительно выстрелили вверх, обвили шею бедолаги и поволокли его к холодильнику. Боец дернулся, вскрикнул, но выпутаться из цепких объятий не смог.

Дождаться развязки я не стал, рванул на четвереньках к окну, в прыжке выскочил наружу. Уже в полёте услышал жуткий крик, ржавый скрежет дверцы холодильника и чавканье.

На мое счастье двор был пуст – ни зверей, ни людей. «Не так далеко отсюда есть речушка, из-за сильного загрязнения не замерзающая даже зимой, – вспомнил я. – Вдоль нее тянется плешивенький лесок. Там можно укрыться на какое-то время и обдумать дальнейший план действий».

Туда я и побежал.

* * *

Мне удалось незаметно спрятать маленький пожелтевший клочок бумаги в рукав куртки во время допроса. Обыск бандиты провели не самым тщательным образом, отобрали только оружие и охотничий нож, записки не обнаружив. И

теперь этот клочок был единственной ниточкой, ведущей к разгадке тайны смерти Брандта.

Не дыша, боясь порвать, я развернул бумажку, повертел на свету, прочитал. Аккуратным почерком на ней было выведено:

Освобожусь к 17-му. Давайте встретимся там же, на Старом Мосту, в 17.00.

Я перечитал написанное три раза, но ровным счетом ничего не понял. Старый Мост. Это место я, безусловно, знал – окраина города, километрах в пяти отсюда. Но что дальше? Кто это – человек, который должен был «освободиться» к семнадцатому? Может, он как-то связан с убийством Брандта? Может, он и есть убийца? Вопросы, на которые ответов не было.

«Постой-ка. Сегодня семнадцатое ноября, – осенило меня. – А время? – Я глянул на часы. – 15:35. Ох, черт! Совсем чуть-чуть осталось! Если поспешить, срезать через заборы и овраги, то можно успеть». Я едва не сорвался в галоп, но вовремя остановил себя: надо было еще раз все взвесить.

«Так. Кто-то назначил Брандту встречу. Я не знаю, кто это и опасен ли он. А у меня при себе нет даже ножа. Есть схрон – там и оружие, и перекусить найдется, но он далековато отсюда. Могу не успеть. А терять эту ниточку ни в коем случае нельзя.

Возможно, там, на Старом Мосту, – засада. У меня нет времени на подготовку и разведку местности. Даже на то,

чтобы придумать хоть какой-то план, нет времени! М-да. Карты розданы дрянные. Но выбора нет».

В сердцах сплюнув под ноги, я начал пробираться через колючки и ветки в сторону железной дороги, стараясь не издавать лишнего шума.

* * *

Все же я успел. Часы показывали без трёх минут пять, когда я был уже на месте. Я притаился за ржавым каркасом грузовика и осматривал местность, пытаясь обнаружить незнакомца, назначившего встречу моему покойному другу.

Старый Мост – не самое лучшее место для свиданий. Однажды я забредал сюда в поисках артов. Ничего не нашел, но наткнулся на стайку обессиленных от голода троглодитов. Соблюдая правила светского тона, я поспешил познакомить их со своим лучшим другом – «Винторезом». Троглодиты были в восторге от нового знакомства и буквально попадали от счастья. А я тогда, стирая дрожащей рукой пот со лба, зарекся сюда возвращаться. Да вот не сдержал обещания.

Название не обманывало: мост тут и в самом деле имелся – железнодорожный и довольно-таки старый. Когда-то давно он пересекал глубокий овраг, но, в силу времени и стараниями мародеров, превратился в голый ржавый остов, свисающий с одной стороны обрыва как мертвая, истлевшая до костей змея, отбрасывая на дно оврага причудливые угловатые

тени. Под порывами ветра мост стонал, словно умирающее исполинское животное.

У основания моста, сквозь наледь, просматривалась прямоугольная, щетиная с одного бока пучком ржавой арматуры бетонная свая, зарывающаяся в скальник. Вдоль нее петляла между валунами и зарослями колючек тропинка, спускающаяся вниз, в овраг. Это была свежая тропа, еще не занесенная снегом. «Значит, часто ей пользуются, – подумал я. – Скорее всего, по ней и будет проходить мой незнакомец. Эх, жаль, что нет винтовки или хотя бы пистолета! Ну да ничего, как-нибудь разберемся».

Очередной порыв ветра заставил меня плотнее укутаться в куртку. «Не подхватить бы воспаление легких, – забеспокоился я. – При первой же возможности надо будет переодеться во что-то более теплое и сухое».

Некоторое время я размышлял о том, что надо бы перебраться чуть ближе к тропинке. Вдали, из-за сугроба торчали густые ветки и высохшие стволы, цепляясь за выцветшее небо, словно пытаясь содрать облака. «Отличное место для засады, – отметил я про себя, но решил остаться на прежнем месте, в зарослях полыни, густо присыпанной снегом. – Времени уже нет. Кто знает, может, этот незнакомец уже здесь и так же сканирует местность на наличие недругов. Лучше уж тут притаюсь».

На тропинке началось какое-то движение. Я присмотрелся... и оторопел. Вместо ожидаемого головореза с винтовкой

наперевес, я увидел стройную хрупкую девушку, грациозно шагающую по скалистому оврагу. На какой-то миг я даже растерялся, не зная, что делать дальше. На убийцу она явно не тянула. «Хотя пистолетная кобура на поясе болтается, – пригляделся я. – Да и нож вон висит. Что за черт?!»

Время от времени потирая замершие уши, я наблюдал за незнакомкой. Она спустилась в овраг. Огляделась, посмотрела на часы. «Ага, значит, ждешь кого-то».

Меня не покидало тревожное ощущение того, что это была ловушка: «Может, девушка – всего лишь отвлекающий маневр, а где-то в кустах прячется снайпер?» Я стал еще тщательнее сканировать взглядом округу, пытаюсь определить места возможных укрытий. Но безрезультатно: снайпера, судя по всему, здесь не было.

Да и девушка куда-то вдруг запропастилась.

Я едва не подскочил на месте, ругая себя за невнимательность: «Упустить из виду объект наблюдения! Совсем голову отморозил! Непростительная ошибка».

– Эй, малыш, потерял кого-то? – раздался за моей спиной насмешливый женский голос. Я дернулся, но тут же получил тычок в спину. – Тише, не дури! У меня пистолет. Поверь, пользоваться им я умею.

«Дьявол, да что ж такое, совсем хватку потерял! Второй раз за день меня застают врасплох, – подумал я раздраженно. – Был бы жив Брандт, точно устроил бы мне выволочку. Ладно, где наша не пропадала, а пока поднимем лапки, нече-

го даму провоцировать, тем более – даму с оружием».

– Спрошу один раз, юлить не советую. – Щелчок взведенного курка подтвердил всю серьёзность её намерений. – Кто ты?

Сочинять более-менее правдоподобную легенду было уже поздно, да и ствол меж лопаток не особо способствовал мыслительному процессу, поэтому я ляпнул первое, что пришло в голову:

– Я от Брандта.

– Да ну?

«Ясно, значит, просто на слово не поверит, хотя некоторое сомнение в голосе все же проскользнуло».

– Я его старый друг. – Совершенно искренне произнёс я. – У меня в кармане – записка.

Девушка с лёгкостью профессионального карманника вынула клочок бумаги из моей куртки.

– Да, это я ему написала. – То ли записка её убедила, то ли – моя сговорчивость, но голос ее смягчился. – А сам старик где?

– Может, для начала спрячешь ствол? А потом и поговорим по-людски.

Возникла пауза. Послышался глубокий вздох и щелчок предохранителя.

– Ладно, только без глупостей.

Я кивнул, медленно встал и обернулся. Минуту мы пристально рассматривали друг друга. Девушка оказалась до-

вольно симпатичной: большие карие глаза, волнистые волосы, схваченные сзади в тугий конский хвост. Странно, но в чертах её лица было что-то призрачно знакомое, хотя я был уверен в том, что раньше я эту девушку никогда не встречал.

А вот моя внешность на красавицу впечатления явно не произвела: помятый, избитый, синюшный от холода.

– А что с руками? – поинтересовалась она.

Невесело ухмыльнувшись, я посмотрел на свои многострадальные конечности.

– Да так, пострадал за правое дело.

Незнакомка коротко вздохнула, словно что-то решив для себя, и, к моей несказанной радости, убрала пистолет в кобуру.

– Ладно. – Она нервно облизнула губы и оглянулась. – Отведу тебя в лазарет. Обработаю твои раны, и поговорим заодно. Расскажешь, как у старика дела. Тут недалеко.

Рассказывать про смерть Брандта в такой обстановке не хотелось, да и убедиться еще надо было, что дамочка не подставная, поэтому я отвлеченно спросил:

– Ты что, врач?

– Да, – кивнула она и посмотрела в чернеющее небо. – Темнеет уже. И буря снежная скоро начнется, переждать надо. Пошли.

– Хорошо, идем.

– Меня, кстати, Валея зовут, – сказала девушка, когда мы проходили под мостом.

– Алексей, – ответил я.

– А что, Брандт захворал? Почему он сам не пришел? Что-то серьезное? Простыл, наверное. У него легкие слабые очень, часто болеет. Сейчас придем, я ему травяной сбор хороший сделаю.

– Умер он. Убили его, – выпалил я.

Девушка остановилась как вкопанная, попыталась что-то сказать, но не смогла – на глаза ее навернулись слезы. Предвидя ее вопрос, я, собравшись с мыслями, рассказал ей о своих недавних приключениях.

* * *

В теплой сухой комнате пахло мылом и травами. Где-то в глубине помещения мерно тикали старинные часы, создавая ощущение покоя и размеренности. В углу, около пышущей жаром печки, грелся пушистый серый кот; он лениво посмотрел на меня, надменно фыркнул и, свернувшись калачиком, уснул.

Вдоль стен лазарета стояли аккуратно застеленные кровати – две справа, одна слева и еще три – в дальнем конце комнаты. Только на двух из них лежали пациенты.

Когда я прошел вглубь помещения, меня внимательно изучили две пары цепких глаз. «Сталкеры», – понял я.

– Приветствую! – махнул я рукой. Те кивнули в ответ.

Возникла неловкая пауза, и я хотел уже выйти из лазарета на улицу, подышать морозным воздухом, как один из них, что моложе, спросил:

– А Валентина Николаевна скоро придет?

Я не сразу понял, о ком идет речь, и несколько секунд стоял истуканом, соображая, кто такая эта Валентина Николаевна. Потом понял, что он говорит про Валю. «Видимо, уважают ее сталкеры сильно, коль по имени-отчеству называют», – подумал я.

– Валя... Валентина Николаевна вышла за бинтами. Сейчас подойдет.

Молодой кивнул.

– Меня Романом зовут, – сказал он, протягивая руку.

– Алексей, – ответил я, пожимая его ладонь. – Пулей зацепило? – кивнул я на забинтованную ногу парня.

Роман улыбнулся.

– Нет. Так, мелочь. На «энерго» чуть не поджарился. Едва спасся, но ногу сломал, отступая. Но это ничего, заживет. Валентина Николаевна доктор хороший, заштопала меня как полагается, гипс наложила, вот отдыхаю теперь под присмотром, таблетки получаю.

– А это Бектур, – сказал Роман, показывая на второго сталкера. Я представился в ответ. – Ему пальцы на левой руке зацепило, «мясорубка» – вещь страшная.

– Страшная, – согласился я.

В комнату вошла Валя.

– Ну что, мальчики? Пора пилюльки принимать. Алексей, вы посидите немного в той комнате, подождите. А я лекарства ребятам дам и подойду к вам, сделаю перевязку. Можете чаю пока попить.

Я пожелал новым знакомым скорейшего выздоровления и вышел. Горячий чай мне бы в тот момент действительно не помешал. Да и обсушиться у печки тоже стоило – одежда промокла и неприятно липла к телу.

Железный чайник сопел на плите. Я налил кипяток в кружку, сыпанул каких-то трав из баночки, что стояла тут же, и присел на жесткий стул. От усталости я едва держался на ногах, невероятно хотелось спать, но, отпив пару глотков травяного настоя, я почувствовал прилив свежих сил. «Хорошая штука, лучше всякой химии, надо будет узнать, что за травы такие. Припасти чуток – для вылазок», – отметил я про себя.

– Брандт про тебя, кстати, как-то рассказывал, – сказала Валя, заходя в комнату.

Я оглянулся. Девушка успела переодеться в сухую одежду: обтягивающие штаны, выгодно подчеркивающие девичьи формы, и клетчатую теплую рубашку с подвернутыми рукавами. Я с трудом смог оторвать взгляд от ее привлекательной фигуры и посмотреть выше, в лицо. Валя едва заметно улыбнулась.

– Рассказывал? – рассеянно переспросил я.

Девушка налила себе чаю, села напротив, поджав ноги под

себя.

– Да. Все больше хвалил тебя. Говорил, что толковый ты парень. Мне сватал.

– Даже так?! – удивленно поднял я брови, не в силах сдерживать улыбку. Вполне похоже было на старину Брандта. Давно он мне плешь проедал. «Бабу бы тебе, Лешка, – кряхтел он, как только выдавалась свободная минутка. – Чтоб тылы прикрыты были. Она тебе и раны обработает, и жрать приготавливает. Негоже одному-то». Я лишь отмалчивался, зная, что возражать старику – себе дороже.

– Брандт был другом нашей семьи с давних пор. Мы тогда в другом месте жили. Деревенька Красновка, может, слышал о такой?

Кто ж о ней не слышал? Каждый уважающий себя сталкер о ней знал. Такие там арты были – закачаешься. Да только ходить в эту Красновку – все равно что пулю себе в лоб пустить – верная погибель. После чумной эпидемии не осталось там из людей ни одной живой души. Только призраки в отражении окон проскальзывали да твари разные бродили – такие, каких ни одна больная фантазия представить не смогла бы. Мне про эту деревеньку Брандт как-то рассказывал.

– Слышал, – качнул я головой.

– Раньше она вполне себе обычной деревенькой была. Это потом уже там беда приключилась, мы в ту пору уже переехали ближе к городу. Я с матерью жила. Брандт часто ходил к нам в гости. Сколько себя помню, он всегда был рядом с

нами. Практически родным человеком стал.

Я глянул на Валу, и меня словно что-то кольнуло. Догадка. Я понял, что меня так смутило в Вале при нашей первой встрече. Черты лица, линии бровей, глаза – они мне были знакомы. Нет, раньше Валу я, безусловно, не видел. Но часто общался с другим человеком, похожим на нее. «Неужели Валя приходится дочерью Брандту?» – осенило меня.

– Родным человеком? А он, случаем, не твой...

– Я не уверена, – улыбнулась Валя. – Но тоже склоняюсь к этому варианту. Даже сам Брандт не знал ответа на этот вопрос. Однажды он прямо спросил у мамы про меня – я случайно подслушала, – но она ушла от ответа. Не хотела, наверное, навязывать ему лишних забот. Видимо, непростые у них отношения были. Я тоже спрашивала у нее, но все впустую. Она у меня немного странная. Лекарем работала. Травы, снадобья. Умела без всяких лекарств человека на ноги поставить, дар у нее был. Я по её стопам пошла.

– А что же насчет Старого Моста? – спросил я, подливая ей и себе кипятка.

– Ах да. Вот записка от Брандта. – Валя достала из кармана мятый лист, сложенный вдвое, и протянула мне. – Раньше мы по рации общались. А потом, когда она сломалась, начали письма друг другу писать и через ходоков и сталкеров передавать. Это у нас как будто бы в игру превратилось.

Я развернул записку и прочитал:

Здравствуй, Валя!

Появились обстоятельства, требующие срочной встречи с тобой. Скажи, когда и где можно будет тебя увидеть. Это действительно серьезно и важно. И, пожалуйста, будь осторожна.

Береги себя.

Брандт

– Ты ведь пришел на эту встречу не по поручению Брандта? – спросила Валя.

– Нет, – честно признался я. – Думал, эта записка как-то связана с его убийством, хотел выйти на след. А теперь теряюсь в догадках. Ты не знаешь, случаем, зачем он хотел с тобой встретиться?

Валя покачала головой.

Я снова прочитал записку и задумался: «Брандт хотел что-то сообщить Вале, что-то важное, не требующее отлагательств. Но вот что? И связана ли эта информация с его смертью? Но как найти ответы? Попытаться вернуться в магазинчик Брандта, чтобы осмотреть все более внимательно? Но наверняка там дежурят эти головорезы во главе с Порохом. Мое возвращение для них будет неожиданным подарком».

Я так глубоко погрузился в свои размышления, что не заметил, как Валя отошла от меня. Когда я вынырнул из мыслей в реальность, девушка стояла в другом углу комнаты, наливая воду в опустевший чайник, и тихо мурлыкала себе под нос какую-то песенку. Слов я не мог разобрать, но мелодия,

построенная на приятной гармонии, успокаивала.

— Что за песня? — спросил я, украдкой разглядывая пленительные изгибы девичьей фигуры.

— Колыбельная, — смущенно ответила Валя. Щеки девушки залились румянцем. — Мне её Брандт в детстве пел. — Она поставила чайник на огонь и тихо запела. У нее был приятный бархатистый голос.

Мы дети камня янтаря,
Что на руках застыл,
Он словно солнце января —
Не греет и остыл.
Но если в ночь в пути застиг
Тяжелый ливень вдруг,
Зажми янтарь, и он на миг
Тепло возьмет от рук.
Гори, янтарь, гори огнем,
А вместе с этим янтарем
Горит душа, не слышно, как
Закалу в сталь пройдет.
Сияньем озарит луч мрак,
И будет виден путь.
Янтарь отгонит злых собак,
Поможет жизнь вернуть.
Мы дети камня янтаря,
И амулет блеснит.
Он на груди моей, как я,
Тепло в себе хранит.

Гори, янтарь, гори огнем,
А вместе с этим янтарем
Горит душа, не слышно, как
Закалу в сталь пройдет.

– А амулет тоже он подарил? – спросил я, глядя на Валину шею. В ложбинке чуть выше груди висел на тонком шнурке небольшой талисман, мутно поблескивая в тусклом свете керосиновой горелки. Чарующий блеск.

– Да, – растерянно ответила Валя. – Откуда знаешь?

– Догадался, – прошептал я, не в силах отвести взгляд от золотистого камешка, ограненного витиеватой резьбой. «Неужели это оно самое? Черт, не может быть! Чтоб мне пусто было! Никогда не думал, что увижу его наяву».

– Валя. – Я придвинулся ближе. – Расскажи как можно подробнее про этот амулет. Возможно, это имеет какое-то значение... В общем, расскажи, а потом уже решим, что к чему.

Валя пожала плечами.

– Особо-то и нечего рассказывать. Подарил мне его Брандт, когда я еще маленькой была. Сказал, что это очень ценная вещь. Амулет, говорил он, будет хранить тебя, а ты храни его. Вот, собственно, и все. Ты же знаешь Брандта: сказать что-то напрямую – не в его стиле..

– А кто-нибудь еще видел твой амулет?

Ответить Валя не успела, потому что стены комнаты содрогнулись от грохота взрыва, раздавшегося снаружи, и в ту

же секунду во все стороны брызнули щепки и штукатурка. Я едва успел схватить Валю и броситься на пол, как над нашими головами засвистели пули.

Глава 2

«Янтарь»

– Что происходит?! – крикнула Валя, вытаращив на меня испуганные глаза.

Я же знал только одно: надо было выбираться из этой заварухи. Все просто: если стреляют, значит, хотят убить. А умирать в ближайшее время я не собирался.

– Оружие есть? – шепнул я, закрывая девушку и себя от очередного града осколков.

– Да, – ответила она, указывая куда-то в сторону. – Вон там, видишь дверь? Давай туда.

Уворачиваясь от летящих щепок, мы подползли к двери. За ней находилась небольшая кладовка. Под потолком сушились пучки трав, источающие густой горький аромат, по стенам висели коренья. Дождавшись момента, когда выстрелы на короткий миг затихли, Валя рванула к шкафчику, стоящему в дальнем углу комнатки, и распахнула дверцы, едва их не выломав.

– Держи! – кинула она мне автомат. От неожиданности я едва успел его поймать. «Ого! АК-74М. Неплохо для простой лекарши! Хотя, как видно, не такая уж она и простая».

– Брандт подарил – от гадов всяких защищаться, – прочитав в моих глазах немой вопрос, сказала Валя. И тут же извлекла из шкафа ещё один автомат. – А этот уже я прику-

пила. Так, на всякий случай.

Вновь раздались выстрелы. Мы рухнули на пол, прикрывая головы. Я подполз к окну. Стекло и часть рамы по милости невидимых стрелков отсутствовали, и холодный ветер яростно врывался в развороченную комнатку. Я аккуратно выглянул наружу для разведки обстановки и тут же спрятался – пули пролетели прямо над головой.

– Ну что? Бандиты? – спросила Валя, вставляя магазин с патронами в автомат.

– Не похоже. Кто-то из военных, судя по форме. Не успел разглядеть. И много их.

– Что тут военные потеряли?

– Вот и я бы хотел знать.

– Валентина Николаевна! – крикнул из соседней комнаты Роман. – Вас не задело? Как вы?

– Нормально, – ответила Валя, перемещаясь в более безопасное место. – Как у вас дела? Все живы?

– Да что с нами делается-то? – Было слышно, как Роман, кряхтя и чертыхаясь, ищет что-то. – Сейчас я им задам жару, винтовку только из-под кровати достану. Ага, вот она! Ну, держитесь! Я в Пади – лучший снайпер, белке в глаз попаду с трехсот метров!

Хлесткие звуки выстрелов винтовки смешались с обрывистыми стонами людей на улице. Я быстро выглянул наружу и убедился, что Роман свое дело знает: солдаты падали в снег, срезаемые меткими выстрелами молодого сталкера.

Воспользовавшись моментом, я поддержал контратаку двумя автоматными очередями. Еще несколько бойцов рухнули в сугробы. В стане врага кто-то витиевато матерился. Атакующие перегруппировались, уходя в защиту.

– Мы никого не тронем! – раздался голос с улицы. Манера говорящего по-военному чеканить слова показалась мне смутно знакомой. – Нам нужен только один человек! Он укрывается у вас! Отдайте его нам, и мы уйдем! Этот человек – преступник. Повторяю: преступник. Отдайте его нам, и мы никого не тронем!

– За тобой пришли, – сказала Валя. – Сначала стреляют, потом разговоры ведут. Хороша тактика!

– Леха, им ты нужен! – крикнул Роман, продолжая стрелять. – Что ж ты такого натворил, что за тобой целый полк пожаловал?

– Был другом человека, которого убили, – съязвил я. В душе начала закипать злость: «Все-таки выследили. Ну, коль суждено умереть, так хоть парочку сволочей с собой прихватчу».

– Палачи твои? – спросила Валя. Я кивнул.

– Леха, давай, уходи огородами, – громко сказал Роман. – Мы прикроем. Сталкер сталкера в беде не бросит. Бектур, правильно я говорю?

– Правильно! Прикрой меня, я на другую точку переползу.

– Никого мы тебе не отдадим, капюшон штопанный! – за-

орал Роман, обращаясь к нежданному гостю. – Беспределишь по-черному, а потом еще и условия ставишь! Лесом иди!

С утроенной силой со стороны нападающих затрещали выстрелы, одна из пуль с глухим хлопком попала в керосиновую горелку, превратив ее в огненный шар. Занялся пожар. Валя, высунув ствол автомата в черный квадрат окна, огрызнулась наугад ответной очередью. Я последовал примеру девушки. Стрелял одиночными, экономя патроны.

– Надо выбираться! – откашливаясь от дыма, крикнула Валя. Ответить ей я не успел – в комнату через окно влетела черная тень, слегка коснулась пола и отпружинила в мою сторону. Я пытался разглядеть силуэт незваного гостя, когда одним коротким ударом автомат был выбит у меня из рук. Второй удар был нацелен мне в лицо, но я успел увернуться, узнав в нападающем помощника Пороха – Черепа, который обнаружил меня в магазинчике Брандта. И без того хитрая рожа бандита растянулась в жуткой ухмылке.

Первой среагировала Валя. Она бросилась на него с ножом, успела выбить пистолет, но Череп провел молниеносный прием, – и с тяжелым выдохом девушка отлетела в сторону.

С улицы вновь стали обстреливать дом. В соседней комнате вскрикнул Роман. Следом за ним выругался Бектур. По обрывкам фраз я понял, что оба были ранены. Насколько серьезно – неизвестно, но после недолгой возни Роман продол-

жил стрелять, сопровождая пальбу яростным рыком и проклятиями. Бектур же молчал.

Дверь пытались снести тараном, она ходила ходуном, но держала оборону.

Пожар быстро распространялся, затрещали балки перекрытия. Дымом заволокло все комнаты, и стало тяжело дышать.

Череп стоял в боевой позе, без оружия, словно вызывая меня на поединок. Драться я умел, причем очень даже неплохо, но шансы свои оценивал трезво: победить в рукопашной этого мужика мне вряд ли удалось бы.

Мой рывок к валяющемуся на полу автомату не удался – Череп в прыжке отпихнул оружие, и оно с лязгом отлетело к стене. Следом от мощного удара полетел и я. Загремели какие-то склянки, рухнувшие с полок, меня засыпало вязанками сухих трав. Противник довольно хрустнул костяшками пальцев.

– Твой дружок Брандт покрепче был, – усмехнулся он, делая шаг вперед.

Я, скрипя зубами от ненависти, поднялся, готовый разорвать этого гада на части.

Не дожидаясь очередного выпада противника, я ринулся в атаку. Из трех моих ударов Череп сумел заблокировать только два. Третий пришелся бандиту прямо в нос: смачно хрустнули хрящи, хлынула кровь. Противник опешил и тут же получил хук слева. Это дало мне время отдышаться, но враг,

вдруг сделавшись гибким, как пружина, вновь двинулся ко мне, на ходу вынимая из-за пояса нож.

Я попытался нырнуть под его руку и нанести удар сзади, по шее, но Череп тут же отбил атаку и едва не расплосковал мне грудь. Спаситься от стремительно летящего лезвия мне помогло только чудо. Выписывая в воздухе загадочные знаки, Череп ринулся на меня.

Пришлось отступать.

Уклоняясь от его змеиных выпадов, я шаг за шагом пятился к стенке, где под завалом рухнувших полок лежал мой автомат. Последний шанс, последняя надежда. Череп не раскусил мой маневр и довольно скалился в предвкушении скорой расправы надо мной.

Чтобы подобрать автомат, мне нужно было выиграть хотя бы пару секунд. Я решил провести короткую атаку: резкий обманный выпад вперед и молниеносный удар ногой в колено противника. Но Череп действовал грамотно. Он успел увернуться и ответить. В свой удар бандит вложил столько сил, что я рухнул на пол, едва не потеряв сознание. При падении ударился обо что-то твердое. Автомат!

Все остальное произошло за одно мгновение, показавшееся мне вечностью. Мы словно находились в густом сиропе – каждое движение было замедленно: Череп заносит надо мной нож, чтобы добить; глаза бандита горят неистовой злобой; кончик клинка со свистом режет воздух, нож настолько острый, что даже не видно, где заканчивается лезвие – оно

заточено до прозрачности; пальцы мои хаотично шарят вокруг в поисках автомата, но не могут найти его; «Под головой! ПОД ГОЛОВОЙ!» – кричу я сам себе, но оружия там нет; Череп направляет всю массу своего тела на последний выпад.

Наконец я, словно очнувшись, вырвал из-под себя оружие и, еще не успев толком направить его на врага, нажал на курок. Загрохотали выстрелы, три пули пролетели мимо, но еще пять нашли цель. Безжизненное тело бандита свалилось на пол. Враг был повержен.

Когда все закончилось, пот стекал с меня в три ручья. Задыхаясь от дыма, я подскочил к Вале и помог ей подняться. Прикрывая рукой лицо, сказал:

– Мне пора уходить. Прикроешь?

Валя укоризненно глянула на меня и сказала:

– И далеко ты уйдешь? Тут крутые склоны, кое-где ловушки стоят и аномалии. Если не знаешь местности, наверняка погибнешь. Я с тобой пойду.

– Нет...

– Возражения не принимаются, – оборвала она меня. – Только куртку надо взять и патроны. Давай, шевелись, иначе угорим.

Я даже не успел возразить, как она уже стояла передо мной при полном параде с автоматом наперевес.

Мы пробрались в другую комнату, чтобы поделиться планом побега с Бектуром и Романом, но застали там жуткую

картину. Сталкеры были мертвы. Их тела, изрешеченные пулями, распростерлись на полу. Ребята сражались до последнего.

Валя отвернулась, не в силах смотреть на погибших. Я обнял её за плечи, поторопил:

– Надо уходить.

Дверь уже трещала под мощным напором тарана, готовая развалиться в любую секунду. С другой стороны дома доносились голоса – нас окружали.

Выбраться из полыхающего лазарета удалось через черный ход, скрытый от посторонних глаз большим сугробом. Мы пробежали незамеченными в сумраке около ста метров, прежде чем нас засекли. За нами тут же была выслана погоня.

– Куда теперь? – спросил я, остановившись у самого края глубокого оврага.

– Везде окружили!

– А вон тот холм?

– Он крутой, там опасно, да и...

– Тогда идем туда, там никого сейчас нет!

С соседнего склона к нам уже бежали четверо. Отходя вдоль обрыва, я разрядил в них полмагазина. Бежавший первым преследователь схватился за живот и завалился в сугроб, остальные отпрянули. Один из них вслепую огрызнулся очередью. Промазал. Раненый боец вопил, прося о помощи, но соратники прошли мимо, даже не обратив на него

внимания.

Поторапливая запыхавшуюся Валю, я, сам чуть ли не падая от усталости, взобрался на крутой холм и выстрелил несколько раз одиночными. Раздались ответные залпы. Темнота выручала: бойцы упорно шли по нашим следам, но нас самих на фоне ночного горизонта разглядеть не могли.

– Леша! Слева! – громко шепнула Валя.

Я обернулся. Обходя холм с другой стороны, нас окружали еще человек семь. Их темные фигуры двигались уверенно, рассредоточившись по местности, словно не боясь пуль. «Наверняка в бронежилетах, – подумал я. – Да только бронежилет на голову не наденешь. Получайте!» Затрещал мой автомат, выплевывая горячие гильзы на стылый снег. Кто-то из преследователей охнул и завалился прямо лицом в снег. Остальные пригнулись, но шаг не сбавили.

Внизу продолжал вопить раненый. Ему что-то крикнули, но он заголосил еще сильнее. Раздался глухой выстрел – и вопли стихли.

– Окружайте их! Они на холме! Вижу их! – слышался знакомый голос. «Порох, чтоб ему пусто было».

Бойцы подчинились приказу. Трое, что шли прямо на нас, увязли в глубоком снегу и теперь пытались выбраться. Еще некоторое время они предпринимали тщетные попытки вылезти, но, увязнув еще больше, по самую шею, начали потихоньку отползать назад.

Темные фигуры слева, напротив, приближались. Двое вы-

шли вперед в надежде взять высоту наскоком. Я расстрелял их почти в упор. Остальные не растерялись и тут же укрылись за телами товарищей, выжидая момент, чтобы повторить попытку.

Что-то горячее ужалило меня в ногу, словно залетевшая в штанину оса. Я с опаской глянул на рану, но тут же облегченно выдохнул – ничего страшного, пуля лишь царапнула кожу.

– Гранату! Гранату! – кричали позади. Я понял, что времени у нас остается совсем мало. В груди все сжалось.

– Валя! – крикнул я, перезаряжая автомат. – Надо уходить! С обрыва будем прыгать.

– С ума сошел?! Ноги переломаем!

– Снега внизу много, да и не так уж высоко. Пройдем чуть дальше по холму, вон до того пригорка, ветер туда снег наметает. Там и спустимся.

Вершина холма напоминала ступенчатую пирамиду. Самая верхняя ее часть, не больше метра шириной, хорошо просматривалась снизу, а стало быть, и простреливалась. К нижней ступени, самой широкой, уже подползали бойцы Пороха, жаждающие нашей крови. Нам оставалась только середина.

Снега здесь практически не было – все сносил ветер. Ботинки сильно скользили по обледенелым камням, и дважды я едва не сорвался вниз. Глупо получилось бы: сбежать с собственной казни, уйти от своры вооруженных головорезов и

погибнуть, поскользнувшись на льду. Я перевел дух и сбавил шаг: лучше уж было снизить скорость отступления и остаться в живых, чем поспешить и превратиться в мешок с костями, лежащий на дне обрыва.

– Эй! Вы меня слышите? – раздался из темноты голос Пороха. – Сдавайтесь! Обещаю, мы вас не тронем!

«Ага, как же! А кто же не далее как сегодня утром хотел казнить меня? Держи карман шире!» Вместо ответа я выдал автоматную очередь.

Выругавшись, Порох приказал:

– Схватите их! Живо!

Бандиты с новыми силами рванули вперед. Над нами зашвистели пули.

– Пришли, – сказала Валя. – Тут можно спуститься к перевалу. Через него и выберемся из окружения.

Я глянул вниз. В темноте трудно было рассмотреть детали, но и того, что я увидел, хватило за глаза. Обрыв был очень крутой. Тут не только ноги можно было переломать, а все кости в муку потолочь.

– Давай, я первый, ты за мной, – скомандовал я.

Валя вцепилась мне в локоть, начала что-то быстро говорить, но звук выстрела оборвал ее на полуслове. Я не сразу придал этому значения и продолжал думать о том, как удачнее нам спуститься. Но как только девушка начала заваливаться на бок, я с ужасом понял, что же случилось.

Я подхватил Валю за плечи, аккуратно посадил на снег.

Она, кажется, и сама не вполне осознала, что произошло, и лишь округлила от страха глаза, переводя взгляд с меня на расползающееся у нее на правом боку черное пятно и обратно. Щеки девушки побелели. Она закрыла глаза и затихла.

* * *

– Валя! Валя! Валя! – тормошил я ее. Меня бил озноб – не из-за холода, а от отчаяния и злости на свою беспомощность. Под рукой, как назло, даже индивидуальной аптечки не было.

– В меня попали? – простонала вдруг Валя. – Дышать больно. Ох!

– Тише, тише. – Никогда еще я не был так рад услышать человеческий голос. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Валя хотела сказать что-то еще, но снова отключилась. Это был очень плохой знак. «Слишком мало времени остается. Слишком мало. Черт, да его вообще нет!» – мысли мои, как потревоженные пчелы, лихорадочно роились в голове в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Я попытался поднять Валу, чтобы попробовать вместе с ней уйти, но она вскрикнула и вся задрожала, не в силах терпеть боль. Из раны с новой силой хлынула кровь.

За спиной, совсем близко, вновь загрохотали выстрелы. На горизонте появились два серых силуэта – бойцы Пороха. Один из них закричал в темноту: «Вижу их! Сюда!» Послы-

шались короткие приказы и хруст снега – подмога не заставила себя долго ждать.

Но меня это сейчас мало тревожило. Валя умирала.

«Видимо, это конец, – обреченно подумал я, а потом вдруг встрепенулся: – Нет! Не дождетесь! Песенка моя еще не спета. А значит... – Меня словно прошло током. – Песенка не спета. Как же мне сразу это в голову не пришло?! Песенка, чтоб мне пусто было! Песенка! Валя, ты просто молодчина! А я дурак! Почему не вспомнил раньше?! Какие были слова в колыбельной, которую она пела?»

Сияньем озарит луч мрак,
И будет виден путь.
Янтарь отгонит злых собак,
Поможет жизнь вернуть.

Кажется, так. «Поможет жизнь вернуть» – это ведь то, что сейчас действительно нужно. Ну, давай же, «янтарь», не подведи».

Я сделал глубокий вдох. Посчитал до десяти. Выдохнул. Надо было успокоиться и начать действовать. Бандиты приближались, но у меня оставалось еще с полминуты, и я надеялся, что этого времени мне хватит.

Заветный «янтарь». Брандт как-то рассказывал о нем. Точнее, я его спрашивал, а он скупно и нехотя отвечал: «Ценный артефакт. И редчайший. Найти его еще не удавалось

никому из моих знакомых сталкеров. Ходили слухи, что «янтаря» больше просто нет – перевелся весь. Хоть в Красную книгу артефактов Пади записывай. Камень обладает способностью восстанавливать в короткий срок здоровье. Самые жуткие хвори излечивает. Когда остальным лекарствам и снадобьям не под силу побороть болезнь, «янтарь» справится с бедой. Один бродяга – ходок с западных земель – как-то раз, вечерком, после доброй кружки браги у костра, рассказывал, что «янтарем» лечили чуть ли не чумных больных. Остальные сталкеры его, конечно же, тут же на смех подняли. А он куртку свою снял и рубцы от чумных бубонов показывает. Вспокоился же тогда народец! Хех! Но ничего, успокоились, когда выяснилось, что бродяга этот не заразен. А ведь всем в Пади известно, что от чумы лекарства нет. Вот тебе и «янтарь», чудо из чудес. Помог».

Я расстегнул пуговицы Валиной куртки, достал амулет. Несмотря на то, что под курткой было тепло, даже жарко, камень был холодный как ледышка. «И как только она его носит? – подумал я. – Так, что дальше делать? Как им воспользоваться? Нужен какой-то ключ или механизм, запускающий его чудесное действие? Давай же, голова, соображай!»

Ответ пришел сам по себе:

Но если в ночь в пути застиг
Тяжелый ливень вдруг,

Зажми янтарь, и он на миг
Тепло возьмет от рук.

Брандт все знал. Старик зашифровал в колыбельной разгадку. Всю инструкцию по пользованию этим магическим амулетом в песне спрятал.

Я сорвал амулет и вложил его в Валину ладонь. «Янтарь» блекло сверкнул, внутри него заплескали красные искры, ровное желтое свечение окутало руку девушки. «Работает!»

– Вон они! Окружай! – это были бандиты, совсем близко. – Вы двое – заходи слева! Шевелись! Ты – по правому флангу! На прицеле держи!

– Взять живыми! – кричал Порох. – Живыми, я сказал! Если надо, по ногам шмаляй, но чтоб говорить мог!

Синюшные щеки Вали начали наливаться румянцем. Я убрал с её лба прилипшие волосы. Девушка открыла глаза, растерянно глянула на меня.

– Я уснула?

– Почти. Лежи, не вставай.

В этот момент дуло автомата уткнулось мне в голову. Опять! Я горько усмехнулся.

– Нас догнали, – с сожалением выдохнула Валя, сплевывая кровавую слюну.

– Ничего, – прошептал я. – Что-нибудь придумаем. Ты, главное, лежи. И амулет из руки не вырони.

– Бросить оружие! Встать! – приказал хриплый голос.

Я повиновался.

* * *

«Ни единой пощечины, которую можно вклепить, не следует уносить с собой в могилу». Любимая присказка Брандта. Теперь я был полностью с ним согласен. Как же я хотел как следует промять бока этим солдафонам. За Валю. За себя. За Брандта, в конце концов. Бессильная ярость сжигала меня изнутри.

Сердце колотилось, как пулемет, с отдачей, руки заметно подрагивали. Второй раз за сутки побывать на эшафоте – такое выдержит не каждый. Кто-то из головорезов, заметив мою дрожь, ткнул стволом автомата мне в спину – мол, не дергайся.

– Убежать хотел? – Порох прогуливался взад-вперед, словно тигр в клетке. Валю еще качало, как тонкую ветку на ветру. Девушка была еще слаба, но стояла рядом со мной уже без посторонней помощи. – Дык, от нас не убежишь. Еще и барышню такую красивую на кривую дорожку вывел. А?

Порох резко остановился. Глянул на Валю.

– Мои бойцы сказали, что подстрелили ее. Неужели со-
врали?

Я не ответил.

– Ну-ну, – кивнул Порох, поглаживая прижатую к груди правую руку. – Зря молчишь. Сказал бы хоть чего.

– Брандта ты убил? – спросил я в лоб.

– Я. – Порох даже бровью не повел. – Чего уж скрывать? За дело его шлепнул. А тут ты нарисовался. Сам виноват. Я думал, ты из простых. А ты вон какой герой оказался.

– Какой есть, – огрызнулся я. И тут же получил удар в живот. Порох довольно ухмыльнулся.

– Сам все расскажешь? Или дерзить будем?

– Что рассказывать-то? – согнувшись кочергой, выдавил я.

– Ты мне тут кончай дурака включать! Где «янтарь», спрашиваю?!

– Не знаю я ни про какой «янтарь».

Порох закрыл глаза и шумно выдохнул. Видимо, он едва себя сдерживал.

– Я тоже думал, что ты ни при чем. Но чутье подсказывает, что не все так просто. А я привык доверять своему чутью. Оно меня не раз спасало. Я пошел за тобой по следу – не сложно было, у меня свора хороших следопытов – и нашел тебя. А теперь хочу знать: где «янтарь»?

– Ты Брандта из-за «янтаря» убил?

Порох улыбнулся. Улыбка его походила на кривой хирургический надрез.

– Да, из-за «янтаря», а точнее – из-за его отсутствия. Я знал, что он у Брандта есть, и честно предлагал старику деньги. Немалые деньги. Но тот отказался. Я полагал, что Брандт

прячет его где-то у себя в магазинчике. Конечно же, старый дурак не позволил бы похозяйничать там, поэтому его пришлось убить.

Теперь мне все стало ясно. Брандт не хотел раскрыть тайну местонахождения артефакта. Старик попытался встретиться с Вале́й, чтобы предупредить ее об опасности. Но не успел. И за это поплатился жизнью.

– Зачем тебе «янтарь»? – сквозь зубы процедил я.

– Ты задаешь слишком много вопросов.

Порох махнул одному из своих прихвостней.

– Бугай, обыщи их.

Боец подскочил ко мне и обшарил каждый клочок одежды – пусто. Затем настала очередь Вали. Девушка попыталась сопротивляться, но, получив легкий тычок в бок (в тот бок, где еще совсем недавно зияла дыра от пули), сразу же затихла. Головорез радостно сообщил:

– Нашел! Вот он.

Порох ловко выхватил из его рук амулет и при свете зажигалки внимательно рассмотрел со всех сторон. Коричнево-желтый с темными прожилками камень и в самом деле напоминал янтарь. Он излучал ровный чарующий свет, и все: мы, бойцы, Порох, – невольно залюбовались этой красотой.

– Убить обоих! – гавкнул Порох, потеряв к нам всякий интерес. Тут же щелкнули затворы автоматов.

– Стойте! – крикнул я, пытаюсь разыграть последнюю кар-

ту. – Порох, без нас ты не сможешь его активировать.

Бандит впился в меня глазами, пытаясь понять, не блефую ли я. Задумался.

– Продолжай, – коротко бросил он мне, не отводя давящего взгляда.

– Отпусти её, – я кивнул на Валю. – И я все расскажу.

– Да без проблем. Только знай, гнида, если обманешь, я тебя на куски порежу. А потом и за девкой вернусь. Я ведь теперь знаю, где она живет. Эй, отпустите ее!

– Нет, Леша! – закричала Валя. Я быстро обнял ее и прошептал на ухо:

– Тише. Это из-за меня ты попала в эту переделку. Иди, я как-нибудь справлюсь.

– Нет, не пойду, – заупрямилась она и внезапно разрыдалась.

– Не хочет идти – пусть остается, – оборвал нас Порох. – Если «янтарь» будет работать, то я ее не трону. Про тебя такого сказать не могу. – Порох ехидно улыбнулся. – А теперь давай, выкладывай все, что знаешь.

– А где гарантии, что вы её не тронете?

Главарь звонко рассмеялся. Вместе с ним натянуто хихикнули несколько бойцов.

– Гарантии?! – Он вытер слезы. – Может, тебе еще и расписку написать? – И сразу лицо его стало каменным. В голосе прорезалась сталь: – Мое слово – вот моя гарантия. Я всегда держу свое слово.

– Хорошо, – скрепя сердце ответил я. – Ты ведь знаешь, для чего предназначен этот артефакт?

– Конечно же, знаю! – нетерпеливо проворчал Порох и потер руку.

– Чтобы лечить и восстанавливать здоровье, – не обращая на него внимания, сказал я. – Нужно точно определить проблему, которую необходимо устранить. Если не будет четкости, то и артефакт не сработает, а если что и получится, то с весьма непредсказуемым результатом. – Откровенно говоря, я просто тянул время, пытаюсь обдумать план дальнейших действий. – Поэтому я еще раз задам вопрос: зачем тебе «янтарь»? Чем ты болен? Или он предназначен для другого человека?

– Для меня, – нехотя ответил Порох. А потом, немного подумав, добавил: – Так уж и быть, расскажу. Скрывать нечего.

Он осторожно отнял правую руку от груди. Закатал рукав куртки, оголяя странную перчатку, скрывающую конечность до самого локтя. Я ожидал увидеть все. Но то, что он показал нам в следующую секунду, заставило вздрогнуть даже самых крепких головорезов.

Рука была покрыта чешуйчатыми пластинками размером не больше ногтя. Кисть, между безымянным и средним пальцами, раздваивалась и напоминала клешню. Под зеленой с грязно-коричневыми полосками кожей пульсировали похожие на червей, толстые фиолетовые вены.

– Я превращаюсь в мутанта, – прохрипел Порох. Словно

загипнотизированные, мы смотрели на обезображенную руку Пороха, на то, как она неестественно выворачивается назад, как по-осьминожьи извиваются пальцы, и не могли промолвить ни слова.

– С запада идет эпидемия, – сказал Порох. – Мы пока не знаем, откуда она появилась, каким способом распространяется. – Он замолчал, словно обдумывая собственные слова. Потом, будто о чем-то догадавшись, поспешно добавил: – Возможно, передается через укусы зомбаков. Меня за руку тварь одна цапнула, с этого вроде и начались все метаморфозы.

Один из бойцов – тот, кого Порох называл Бугаем, – отвернулся в сторону и что-то раздраженно пробурчал себе под нос. До меня лишь долетел обрывок фразы «так и знал».

– В Тополях есть зараженные, – продолжил главарь. – С десяток человек. В том числе и я. Мы скрываем это от других. Больных держим в специальной резервации. Но эпидемия наступает. С каждым днем больных становится все больше. Хворь начинается с конечностей. В течение недели переходит на все тело. К началу второй недели человек превращается в... в... – Порох попытался подобрать слова, но не смог. – Всех, кто дошел до последней стадии, мы убили. Потому что это были уже не люди. У меня в запасе есть еще дней пять-шесть. В лучшем случае – неделя. Потом...

Порох осекся.

– «Янтарь» – моя последняя надежда. Так что давай, дей-

ствуй, врачеватель. Иначе я тебе шею сверну, как цыпленку. Мне терять уже нечего. Если что не так получится, сам знаешь. Будешь молить о том, чтобы я тебя поскорее пристрелил.

Он достал из-за пояса пистолет, направил на меня и спросил:

– Что нужно делать?

Но я едва ли его слышал. В мыслях вертелось только одно: Порох, как поджавший хвост трусливый шакал, пытался спасти собственную шкуру, пока остальных жителей его городка неотвратимо настигает неведомая смертельная инфекция. Осознание этого выворачивало мою душу. Пальцы невольно сжались в кулаки.

– Зажми «янтарь» в руке, – услышал я свой голос. – Подумай о том, что ты хочешь от «янтаря».

Порох обхватил рукой-клешней амулет. Тот тускло вспыхнул. Бандит одобрительно крикнул, подняв его над головой.

– Давай, братец, излечи-ка меня! Всю заразу нейтрализуй.

«Янтарь» начал тихо потрескивать. Рука Пороха полностью исчезла в неровном кровавом свечении. Мне этот цвет не понравился. У Вали другой был. Сияние дрожало, пересекаемое черными теньями, которые рвались из амулета наружу, дико плясали в красном свете и вновь исчезали в ладони главаря. Порох сипло засмеялся.

– Кажется, работает!

Кто-то из бандитов одобрительно покачал головой. Зрелище и вправду было завораживающим, но только все больше сквозило от него каким-то злым холодом. Наверное, точно так же светился весь наш мир, когда пришел Судный день. Неприятная мысль кольнула сердце: «А вдруг Порох и в самом деле с помощью этого амулета натворит что-то такое, что невозможно будет повернуть назад?»

Главарь уже всю бесновался. Он вскинул обе руки к небу, что-то выкрикивая в темноту. Амулет уже не сиял, но источал густой едкий дым. Зловоние – смесь запахов паленых волос и расплавленной пластмассы – ударило в нос. За спиной один боец тревожно спросил другого:

– Это так и должно быть?

«Нет, так не должно быть», – подумал я.

Брандт подарил амулет Вале для защиты. И артефакт прекрасно справлялся со своей задачей. Он даже излечил девушку после огнестрельного ранения – безнадёжного, по сути, ранения, смертельного, от которого не остаются в живых. И тут же возник вопрос: «Если амулет предназначался для защиты Вали, то что должно произойти с тем человеком, который насильно отберет его и попытается им воспользоваться?»

Кажется, ответ я видел перед собой.

Порох вдруг закричал, но уже не победоносно, а от боли. Кожа на его больной руке затрещала, а запах горелого мяса стал настолько невыносим, что я едва сдержался, чтобы не

выплеснуть содержимое желудка на снег.

– Валя, – шепнул я. Она чуть повернула голову, давая знак, что слышит меня.

– Как только скажу – падай на землю и как можно быстрее отползай в сторону.

Девушка вопросительно посмотрела на меня, но я ничего больше не сказал. Только тихо запел:

– «Сияньем озарит луч мрак, и будет виден путь».

Краем глаза я видел, как Валя резко изменилась в лице, а потом, пораженная догадкой, тут же подхватила:

– «Янтарь отгонит злых собак, поможет жизнь вернуть».

Да, именно так. Злых собак, таких как Порох.

– Что? – проревел главарь.

– Ложись! – закричал я, совсем не беспокоясь о том, что Валя сделает что-то не так. Я дал ей подсказку, и она все поняла. Молодец. Девушка тут же бросилась на снег.

Пока растерянные головорезы смотрели, как дымится их предводитель, я не стал терять ни секунды. В один прыжок подскочил к бойцу, что стоял ближе всех, и рывком вырвал из его рук автомат. Бандит даже не понял, что произошло, а я короткой очередью отправил его на землю. Убивать не стал – прострелил ноги.

Остальные спохватились быстро. Тут же затрещали автоматы. Но я успел впечататься в снег. Встав в полукруг, бандиты заняли невыгодную позицию – они попросту стреляли друг в друга.

Бойцы поняли свои ошибку слишком поздно. Трое из них пали замертво, еще четверо стонали в снегу, схватившись кто за ноги, кто – за простреленные плечи и руки. Выгадав момент, я юркнул в сторону и укрылся за небольшим торосом.

– Не стрелять! Не стрелять! – гортанно орал Порох, засыпая тлеющую руку снегом.

Бандиты ступевались. Они упустили меня из виду и теперь не знали, что делать. Валя тоже успела отскочить в сторону, на лету забрала автомат у мертвеца и притаилась за сугробом.

– Я лично тебе кишки выпущу! – прорычал Порох и отбросил шипящий амулет в снежное месиво. – Ты слышишь?! Я тебе внутренности вырву, гаденыш!

Я не слушал пустые угрозы Пороха. Не до него было. Я выстрелил – и не успевший укрыться боец упал, схватившись за коленку. Еще выстрел. Это – уже Валя. Метко. Минус один противник.

Прикрываясь мертвым товарищем, ко мне подскочила пара ретивых воинов. Потратив вдвое больше патронов, чем требовалось, я обезвредил и их. Делая короткие перебежки, подстрелил еще одного. Валя не отставала от меня.

Порох вопил, размахивал руками. Его клацающая клешня выглядела жутко, а сам он напоминал голодного медведя, вышедшего из спячки. «Ничего, и до тебя доберусь», – думал я, уходя из-под плотного огня. Бандитов стало меньше,

но никто и не думал разбегаться.

Укрываясь от обстрела, я поменял позицию. Едва не поймав пулю, залег в ледяной ложбине. Дрожащими руками проверил патроны.

– Эй, смельчак! – услышал я довольный голос. Выглянул из укрытия.

Порох держал Валю за горло рукой-клешней, во второй руке сжимал пистолет, направленный на девушку.

– Давай, выходи, мать твою! Выходи, сказал!

Валя по-кошачьи зашипела.

– Заткнись, дура!

– Отпусти её! – крикнул я. – И я выйду.

– Выходи сейчас! – зарычал Порох, сжимая сильнее шею своей пленнице. Валя захрипела, попыталась вырваться, но Порох утихомирил ее ударом рукоятью пистолета по голове. Девушка ойкнула и обмякла. – Выходи, или ей крышка! Считаю до трех. Раз... два...

– Хорошо! Выхожу! – вытянув руки вверх, я поднялся. Бандит зловеще оскалился.

– Хотел обмануть меня? Не вышло! Сначала я убью тебя, а потом и ее, – Порох кивнул на Валю. Та была без сознания. – Но перед этим как следует позабавлюсь с ней!

Дуло пистолета описало дугу и уставилось на меня. Порох прицелился, но медлил, с удовольствием оттягивая момент моей гибели. Но в тот миг, когда должен был прогреметь выстрел, Валя вдруг резко дернулась и ударом локтя заехала

бандиту по ребрам. Глухо хрустнуло, Порох попытался закричать, но не смог – перехватило дыхание.

Среагировал я быстро. Подскочив к уроду, я выхватил у него пистолет и разрядил обойму в его прихвостней. Стремительность действий застала тех врасплох, они не успели сделать ни одного выстрела.

Валя вырвалась из хватки, повалив Пороха в снег мощным ударом коленки в пах.

Вся банда лежала в снегу. Я подошел к скрючившемуся Пороху, поднял чей-то автомат, не спеша проверил наличие патронов.

– Брандт говорил: «Ни единой пощечины, которую можно влепить, не следует уносить с собой в могилу». Вот и держи, это тебе за Брандта, подонок!

– Ты... ты... ты чего? Брось! Не надо! Давай до...

Прогремел выстрел. Потом долго стояла звенящая тишина.

* * *

– Надеюсь, душа Брандта теперь упокоится с миром. Он отмщен.

Мы сидели на изрешеченных пулями стульях возле сгоревшего дотла лазарета. Слушали тишину и смотрели, как начинает светать.

– Да, я в этом уверен, – ответил я и обнял Валю. Она не

стала сопротивляться.

– Останешься? – спросила она.

Я пожал плечами. Хотелось остаться, но прежде нужно было выполнить еще одно дельце.

– Порох сказал, что с запада идет эпидемия. У меня там, в районе Блокпоста, мать и брат младший живут. Проведать бы надо. Выяснить, что там происходит. Может, помощь какая нужна. Поэтому я иду на запад.

Валя некоторое время сидела в задумчивости. Потом сказала:

– Без врача делать тебе там нечего. Вдруг действительно там что-то серьезное? А мой долг – помогать больным. Необходимо выяснить, велика ли угроза распространения инфекции на территории Пади. По возможности – остановить. Или предпринять другие меры безопасности. Так что я иду с тобой.

– Но это может быть опасно!

– А кто сказал, что я боюсь опасностей? Да и здесь остаться – резона мне нет, ведь лазарет сгорел полностью.

Я кивнул.

– Извини, это все из-за меня...

– Замолчи. Ты ни в чем не виноват. Они убили Брандта, ты им отомстил. Все остальное не важно.

Из-за горизонта стали появляться первые лучи солнца, проникая сквозь рваные облака, оголяя бирюзу неба. Тени

тающей ночи исчезали. Начинался новый день.

Глава 3

Джайв на костях

Свой маршрут, несмотря на то что получался приличный крюк, мы проложили через «Пансионат Нахима» – место, где нам хоть и за кругленькую сумму, но оказали необходимую помощь: подлатали раны, как следует накормили, дали отлежаться, одежду привели в порядок и утеплили. А напоследок напоили горькими эликсирами, от которых мы стали чувствовать себя лет на семь моложе, и вручили по аптечке. Полные сил и энергии, мы продолжили путь.

Шли по малым тропам, опасаясь людных трактов, – весть о гибели бандита Пороха уже наверняка распространилась по округе, и нас могли искать его дружки. Часто останавливались, корректируя маршрут.

К середине дня вышли на стаю каннибалов, жрущих своего сородича. Пришлось круто заворачивать вправо и огибать мутантов – связываться с ними не было никакого желания.

Мы поняли, что забрели не туда, когда было уже слишком поздно. Буреломы, занесенные снегом, сильно тормозили наше продвижение.

– Надо возвращаться, – сказал я.

Валя, упорно продираясь сквозь колючки, лишь отмахнулась. С каннибалами в своей жизни она сталкивалась впервые, и они произвели на нее самое тягостное и жуткое впе-

чатление.

– Ты видел этих... этих тварей? Нет, возвращаться я точно не буду! К тому же путь стал чище. Вот, гляди.

Лесная опушка начинала редеть, снега из-за хорошей продуваемости тоже поубавилось. Но что-то меня все же смущало. Я оглядел местность, проверяя на наличие аномалий, но ничего подозрительного не обнаружил. Следов тоже не увидел.

– Вперед пойду, – сказал я, выбираясь из снежного заноса. Прошел пару метров, прислушиваясь. Никого. Тогда что так меня смутило? Предчувствие меня редко подводило. Но теперь я не мог понять, что же...

– Берегись!

Затрещали ветки, больно стеганув по лицу, острые камни резанули по ребрам, раздирая одежду и кожу. У самого уха что-то глухо ухнуло. Не успев даже закричать, я провалился куда-то вниз, в темноту.

Шр-р-рах!

Неуклюже вытянув руки в стороны, я приземлился на твердую поверхность. От удара хрустнули суставы и заныли колени. Со стоном я завалился на бок. М-да, немягкая получилась посадочка.

– Леша! – откуда-то сверху крикнула Валя.

Я медленно сел.

– Жив? – спросила Валя, вглядываясь в темноту.

Я глупо покивал в ответ, хотя вряд ли она меня видела.

Потом хрипло ответил:

– Жив.

И только после того, как звук моего голоса забился эхом где-то высоко над головой, накатил вдруг страх – холодный и липкий, как болотные камни. Сердце застучало в ушах.

Я глянул вверх и присвистнул: высота и в самом деле была приличная, метра четыре.

– В какую-то яму упал, – стараясь не выдавать страха, сказал я. Голос все же дрожал, как гитарная струна. «Ничего, сейчас отойдет, надо только успокоиться».

– Вижу. Сейчас придумаю что-нибудь.

– Веревку бы, – вполголоса произнес я, прекрасно помня, что веревки у нас нет.

– Глянь, может, там есть что-то, что можно использовать, чтобы выбраться.

Слабо веря в удачу, я повертел головой. Земляная яма, сырая и холодная. Диаметр метров пять. То ли вырыл кто специально, то ли образовалась от взрыва или тектонических процессов – сложно было определить наверняка, тем более внешние воды изрядно отполировали стены, стирая все следы.

Лестницы в яме не оказалось. Зато в огромном количестве имелись кости. Человеческие. Бедренные, реберные, плечевые, берцовые, черепа... Словом, всё то, из чего состоит богатый внутренний мир человека. Мне стало не по себе: «Да тут на целый полк наберется! «Повезло» же! Не успели мы с Валея пройти и половины пути, как вновь вляпались в ка-

кие-то малоприятные приключения».

– Леша!

Я аж подпрыгнул от неожиданности.

– Чего?

– Тут на холме, недалеко, сараюшка заброшенная стоит. Возможно, там есть веревка или что-то, что можно приспособить под лестницу. Слышишь? Не теряй меня. Скоро вернусь. Никуда не уходи!

– Хорошо, – улыбнувшись, ответил я и смахнул со лба холодные капли пота. – Только будь осторожна. Оружие с собой? Не потеряла?

– Со мной. Не беспокойся. Скоро буду, не скучай там без меня, – прозвучал удаляющийся голос Вали.

Я опасливо глянул на человеческие кости и тихо произнес:

– Я бы не прочь и поскучать.

* * *

Время тянулось, как... да оно вообще не тянулось! Остановилось, словно не осмеливаясь идти вперед, словно боясь, что там, в темноте, его поджидает какая-то опасность. Возможно, огромная тварь, прячущаяся в яме...

«Хватит! Долой глупые мысли. – Я поднялся с корточек и решил размяться – от холода тело начало затекать. – Так недолго и простыть. Несколько приседаний мне уж точно не

повредят. Разгоню кровь по телу».

В коленке что-то хрустнуло, и я со стоном повалился на костяной ковер. Перед глазами все заискрилось. «Черт! Как же больно! – Я обхватил ногу и только сейчас почувствовал, что она сильно опухла. – Эх, как же сразу-то не заметил? От переизбытка адреналина, наверное. Сломал? – Я аккуратно прощупал ногу. – Нет, вроде целая. Видимо, сильное растяжение. В холод бы надо. Хотя уж с этим-то проблем нет. Холода в этой земляной тюрьме предостаточно. Да и снежок вовремя пошел – пушистый такой, крупный, словно издевается надо мной, гад!»

Я засучил штанину, присвистнул. Нога на самом деле сильно опухла: от коленки до самой щиколотки – красная пульсирующая от жара «банка», вдоль кости начинающая багроветь с синим отливом. «Ничего, переживем. И хуже бывало. А если учесть, что у меня еще остался в запасе один шприц-тюбик обезболивающего, то горевать и вовсе не приходится».

Я немедленно достал заначку и, как мог, обколол опухоль. Потом набрал горсть рыхлого снега и сыпанул на ногу. Снег тут же растаял, стекая по горячей коже. Я нагреб кучу побольше, положил ногу на неё и слегка присыпал снежной крошкой сверху. Стало гораздо лучше, боль поутихла, в отличие от мыслей – они, напротив, стали одолевать разум: «На кой мы сунулись в эти края? Угораздило же нас в эту общипанную со всех сторон рощицу забрести! Можно ведь

было обойти и другой стороной. Да, сделали бы небольшой круг, но что с того? Жалко было потерять полдня времени? Теперь весь день потеряем с этой ямой проклятой!»

Поток мыслей прервал какой-то тихий едва уловимый шум. Я обернулся, одновременно хватаясь за кобуру. Но ничего, кроме собственного тяжелого дыхания, не услышал. До рези в глазах вглядываясь в густой лиловый полумрак своей камеры, я достал пистолет.

Щелкнул предохранитель. Звук тихий, но вполне ёмкий. Многозначительный. Невербальный знак, понятный каждому. В животном мире в случае угрозы звери скалятся, клыки показывают, а мы, люди, предохранителями щелкаем. И все друг друга прекрасно понимают. Идиллия.

Тот, кто притаился в темноте, меня, видимо, все же недопонял. Вновь зашуршало, уже ближе. «Неужели, зомби? Не похоже. Гнилью не несет, да и не таятся они обычно, сразу напролом лезут, без страха и чувства самосохранения. Действительно, что сохранять-то, коли мертвец уже?»

Я решил было встать, но, подумав, что с сидячего с меня больше проку, остался в прежнем положении.

– Эй! Давай без шуток! Я вооружен. Выходи! – громко сказал я, пытаюсь определить, понимает ли незнакомец человеческую речь. – Слышишь? Выходи!

В ответ – тишина. «Что ж, тем хуже для тебя», – подумал я.

Я готов уже был выстрелить пару раз в полумрак, как из

темноты, скользя по заледенелому скату ямы, к моим ногам выскочила крыса, тут же бросилась наутек и спряталась в норку. Я облегченно вздохнул.

По дороге к намеченной цели глаза у нас уставали быстрее ног. Повидать, даже за небольшой отрезок пути, мы успели разного: от жутких головорезов, утративших навсегда человеческий облик и превратившихся в зверье, до причудливых симбиозов живого и неживого – стеклянных людей, например, или собак-деревьев. Видели, как грызутся между собой земляные осы размером с доброго бульдога, как тащат поживу в свои норы крысы-мутанты. Смотрели и, по возможности, старались не лезть в этот странный мир, понимая, что уже и здесь природа, как всегда, побеждает, начинает все заново, устанавливает свои правила и нормы. Земляные осы не трогают крыс, потому что те заботливо очищают их гнезда от загнивающей падали, а крысы, в свою очередь, смело шастают по округе, зная, что находятся под охраной ос. Поэтому мы старались зря не стрелять, а делали это только в самых крайних случаях, когда нашим жизням действительно угрожала опасность. Это правило установилось само по себе, без обсуждений и договоренностей. И без нас слишком много шальных пуль тут было выпущено на волю.

Я спрятал пистолет в кобуру. Довольно долго смотрел вверх, выискивая среди свинцовых туч обрывки неба, чувствуя, как приятно ложатся на лицо снежинки.

Стало холодать, и я порядком замерз. «Интересно, сколь-

ко же времени прошло? Вали все нет». Боль в ноге поутихла, опухоль спала, и я уже поверил, что все обойдется. И вдруг сверху на меня обрушился человек с окровавленными руками.

Времени, за которое я вновь вытащил пистолет из кобуры, комару едва хватило бы на то, чтобы сделать один взмах крылышками. Я же успел еще и прорычать:

– Стоять!

Незнакомец отпрыгнул в сторону и весь вжался в земляную стену. Его белое, как простыня, лицо и выпученные глаза подсказали, что напуган он вовсе не моим оружием, а кем-то, кто был снаружи. Или, может быть, чем-то?

Я прислушался. Ничего. Звонящая тишина. И даже дыхания незнакомца не слышно было, хотя по пару, выходящему из его рта, было видно, что запыхался этот человек изрядно.

Потрепанная, прохудившаяся в нескольких местах одежда, рюкзак, какой впору давно выкинуть, выдавшая виды плащ-палатка, свернутая в тугую трубку, – парень не походил на бандита, он был даже не сталкером, а собирателем обычных артефактов, что подтверждал «огонь», торчащий из поясной сумки, – дрянной совсем арт, блеклый уже, пустой, такой если и удастся продать, то за сущие копейки.

Я тихонько свистнул, пытаюсь привлечь внимание парня.

Только теперь он заметил меня. Продолжая держать пистолет в вытянутой руке, я махнул ему головой: мол, чего там такого страшного случилось? Парень приставил трясущийся

палец к губам, показывая, чтобы я не шумел, и прошептал:
– Морглод.

Я вопросительно глянул на испуганного бедолагу, всем своим видом давая понять, что слово мне это ни о чем не говорит. Тот лишь неопределенно покачал головой и повторил
– тише и от того еще более зловеще:

– Морглод.

Я уже хотел было крикнуть незнакомцу, чтобы он перестал морочить мне голову, как округу разорвал такой жуткий звериный рык, что у меня затряслись поджилки. Так могло гудеть жерло просыпающегося вулкана. Воображение тут же достаточно четко нарисовало размеры зверюги. «Да она ж, наверное, с железнодорожный локомотив, тварь эта, провалиться мне на месте! Хотя куда еще ниже проваливаться-то?»

Чудовище вновь заревело, и я почувствовал, как под ногами дрожит промерзшая земля. От этого рыка мне стало не по себе. Парень и вовсе едва не потерял сознание, он схватился за торчащие из стены корни и начал молиться.

А потом пришла и моя очередь пугаться не на шутку. «Валля! Она ведь осталась там, на поверхности! Черти меня деря!»

Не обращая внимания на боль, я подскочил как ужаленный и рванул к краю ямы. «Если зацепиться за корни деревьев, а потом попытаться ухватиться за тот выступ, то...»

Парень повалил меня на землю и сквозь зубы зашипел:

– Куда? Там морглюд!

– Отпусти, растуды тебя! Там Валя!

– Нельзя! Нельзя! – запричитал незнакомец, явно не справляясь с моим напором. Я с легкостью отбросил парня в сторону и вновь попытался выбраться наружу. Тщетно. Ноги соскальзывали. «Вот если кто подсобил бы до того заветного выступа, – подумал я, – то вполне возможно...»

– Эй! Как тебя зовут?

Парень долго соображал, прежде чем понять, что от него хотят. Он сбивчиво произнес:

– Зовут... меня... Александром зовут. Саня я.

– Хорошо, Саня. Послушай меня. Там, наверху, остался человек. Близкий мне человек. Его надо спасти.

– Нет, нет! Там морглюд! Пропал твой человек! Все! Забудь! Нету! Он сожрет...

Санька опустил голову и сокрушенно выдохнул:

– Мертвец, поминай как звали...

– Заткнись и слушай! Ты pomoжешь мне, – я уже даже не спрашивал, а просто констатировал факт, вцепившись парню в воротник куртки. – Подсобишь.

– Как же вы не понимаете?! – Сашка расплакался. – Это специальная яма – укрытие от морглюда – здесь он нас не достанет. А все, кто там, – он показал пальцем наверх. – Всё... – И замолчал.

– Что – всё? – растерянно спросил я.

– Не спасти, – тихо ответил Сашка, потупив взор.

Я разозлился, как следует тряхнул паренька.

– Плевать я хотел на твоего морглода! Я не прошу тебя лезть со мной наружу. Просто помоги вскарабкаться, а сам сиди тут сколько угодно. Ну!

Почувствовав, что я просто так не отстану, Сашка кивнул головой.

– Хорошо. Только не надо карабкаться, все равно не получится. Можно по-другому.

– Как? – не понял я.

– Я же говорю – это специальная яма, укрытие от морглода. Тут лаз есть, чтоб выйти, когда опасность миновала.

Санька ловко юркнул под извилистый корень дерева.

– Идите за мной.

Я с подозрением глянул в черный провал, замаскированный от несведущих глаз. И только собирался последовать за Санькой, как из темноты раздался его испуганный голос.

– Стойте! Тут какая-то... штуковина. Раньше не было такого.

– Что еще? – нервы уже начинали сдавать. Я просунул голову в земляную нору и тут же отпрянул назад.

– Санька, не шевелись! Даже не дыши! – шепнул, оттачивая паренька от сияющей аномалии, поселившейся прямо посреди лаза. «Энерго», чтоб ей пусто было! Совсем еще свежая, напитавшаяся. Искры слетали с кончиков ее щупалец. «Того и гляди разрядится, – отметил я про себя, медленно отступая. – Только пепел и останется. Ух, мощная же,

зараза! И как еще не шандарахнула в юнца?»

Я помог Саньке вылезти из норы, видя, что тот начинает уже практически заваливаться в обморок от переизбытка эмоций, привел его в чувство хорошей встряской за плечи.

– Откуда она взялась? Не было ее тут никогда! – стирая слезы страха, затараторил побледневший паренек.

– А теперь есть. Хорошо еще, что не задело, живой остался.

– Мы в западне! Мы в западне! – запричитал Санька, схватившись за голову.

– Да не реви ты, в самом деле! – не вытерпел я. – Сопли тут распустил! И без тебя паршиво.

Санька затих. Утер нос, оставив грязные разводы на щеках. Заикаясь, прошептал:

– Как теперь выбираться-то будем?

«Как, как? Хороший вопрос. Подумать надо».

Я не успел ответить. Мертвую тишину разорвал вой морглода, а следом за ним раздался истошный крик Вали. Я дернулся к стене, но, конечно же, не дотянулся даже до выступа. Даже будь я в два раза выше, все равно не достал бы. Даже если Санька подсобил бы – слишком высоко.

Поэтому я поступил иначе.

Я закричал.

Не от злости, хотя и она тоже скребла душу, и даже не от бессилия. Закричал, чтобы привлечь внимание морглода.

– Эй! Зверюга болотная! Чего маешься почем зря и ветки к земле гнёшь! Тут я, иди ко мне! Хватит падаль есть, попробуй свежего мяса!

По морозному воздуху крик мой разнесся с утроенной силой, звеня на всю округу. «Отлично! То что надо».

Вновь раздался рык зверя, смешанный с выстрелами. Стреляла Валя, но морглюд даже не застонал – видимо, пули не причинили особого вреда монстру, а может, не попали в цель. Лишь затрещало дерево, переламываемое чудовищной силой пополам.

– Тварь поганая! Иди же скорее сюда, я приготовил тебе замечательный сюрприз! – срывая голос, заорал я.

Первым спохватился Санька. Он неуклюже, по-обезьяньи прыгнул на меня, пытаясь закрыть мне рот. Я легко отбилсЯ от парня.

– Тише! – зашипел он. – Тише! – И атаковал повторно. – Услышит же! Замолчи! Замолчи, пожалуйста!

Я, стараясь не причинить вреда, оттолкнул его и вновь закричал, задрав голову кверху:

– Драть тебя коромыслом, чудище мохнорылое! Ну, и где же ты? Иди сюда! Или кишка тонка?

Ответный вой прозвучал уже ближе.

Санька схватился за голову и застонал:

– Что же ты делаешь-то?! Умрем ведь! Оно нас на куски изорвет. И проглотит, не пережевывая! Дурак! – Санька плакал. Бросив тщетные попытки одолеть меня, он начал швы-

рять в мою сторону человеческие кости. Я уворачивался, как мог, но один снаряд все же попал прямо мне в лоб.

– Санька! – разозлился я. – Успокойся! Не сожрет оно ни тебя, ни меня. Пойми, там человек в опасности, надо ему помочь!

– Из-за бабы твоей и умрем все вместе вот в этой могиле! – оскалился Санька. Он уже не плакал, смотрел на меня волчонком. Севшим голосом произнес: – Иди вон туда, там можно вылезти.

Я повернулся в ту сторону, куда показывал парень, в надежде увидеть еще какой-нибудь потайной ход или ступеньки – и тут же получил порцию земли в глаза. «Ах ты, гаденыш маленький! Подловил, подлец!» Я начал вытирать лицо, ожидая в любую минуту новой атаки. Но её не последовало. Санька лишь легонько дернул меня за пояс и отскочил назад.

– Стоять! Не двигаться! И не орать! – осмелевшим голосом произнес он.

Убирая остатки грязи, я попытался разлепить глаза. Не получилось. Отравленная щелочью, земля нестерпимо щипала глаза. Я зачерпнул ладонью снега и протер лицо. Стало легче. Глянул на размытый силуэт Саньки. Тот что-то держал в руках, размахивал. Осененный догадкой, я хлопнул ладонью по кобуре на поясе и тихо выругался.

– Стоять! Не двигаться! – повторил Санька, перекладывая мой пистолет из одной руки в другую.

– Не дури, Санька, не ровен час, застрелишь меня.

– И застрелю! Если орать не перестанешь! – Видя, что я сделал аккуратный шагок в его сторону, парень скомандовал: – Стой на месте, я сказал! Стрелять буду!

– Выстрел привлечет внимание монстра, – как можно спокойнее сказал я.

– Тебе уже будет все равно! – огрызнулся он.

«Вот ведь паршивец!»

– Бабу свою спасти захотел? Герой, что ли? Да только уже поздно! Коль заприметил её морглюд – пиши пропало! – Санька вновь перекинул пистолет в ладонях, как горячую картошку. Медленно покачивая головой, добавил:

– Видишь, сколько костей тут валяется? Думаешь, откуда они тут? Я тебе скажу: морглюд жрет таких вот героев, как ты, а косточки сюда бросает. Это у него вроде выгребной ямы. Прячет он следы свои, чтобы другую добычу не отпугнуть. Видишь, что делается? Вроде зверюга, а и у той умишко есть. – Санька заправски сплюнул под ноги. – А у тебя ни грамма, видимо, нет ума! Совсем дурак! Или ты из чистых побуждений? Самоотверженно? – Он смерил меня изучающим взглядом.

– Послушай... – начал я, но он и не думал меня слушать.

– Такие, как ты, и под дождиком не ржавеют. Святой человек! – Санька зло улыбнулся. – А ты подумал, что за спасение одного человека отдаешь жизни двух других? Или ты вообще ни хрена не думаешь?! – сорвался на крик он, раз-

махивая пистолетом. А потом, вовремя опомнившись, тихо, чтобы зверь не услышал, добавил: – Идиот!

– Санька, – сказал я. – Там девушка в опасности!

– Мы тоже в опасности.

– Ей помочь надо. Поставь себя на её место. Ты сам только что чуть в огарок не превратился от аномалии. Я помог тебе выбраться. А мог и там оставить. «Энерго» некоторое время после разрядки не опасна, сам, наверное, знаешь. Так что мне даже на руку твоя смерть была бы. И остался бы ты здесь, в яме этой, вместе с остальными скелетиками тлеть. А я преспокойно наружу выбрался бы. Ну, чего замолчал?

– Я... – начал оправдываться Санька, но тут же затих – мой крепкий удар с правой вырубил его. Признаться, мне не так уж и важно было, что он скажет, главное – парень отвлекся, погрузился в себя, подбирая нужные слова. А мне хватило и полусекундной заминки, чтобы отключить его, не напоровшись на пулю. Надо было спешить.

Я оттащил Саньку в самый укромный закуток ямы, аккуратно закидал костями, засыпал снегом, оставив маленькую щелочку для поступления воздуха. Быстро окинув взглядом образовавшийся холмик, на всякий случай еще огородил его острыми камнями. Затем удовлетворенно кивнул сам себе головой: «Итак, господа, начинаем дискотеку!»

– Морглюд! Иди же сюда! Сколько звать-то можно, в самом деле?!

Я окончательно охрип, в горло будто насыпали битого

стекла. Зато зверь, наконец, меня услышал. Зарычал. Я почувствовал, как трясется земля от его тяжелых шагов.

Страх попытался завладеть моим разумом, но я погнал его прочь.

Ждать пришлось недолго. Над ямой нависла тень, полностью закрывая свет. Монстр – безобразная помесь гориллы и экскаватора – занес над головой ковши рук и заревел. Я невольно вжался в стену.

Чудовище выпустило из ноздрей сизый пар, шелкнуло акулистыми клыками и уставилось на меня.

Глаза монстра были черными и пустыми, ничего в них не было – ни ненависти, ни страха, – сплошной мрак, густой, притягивающий к себе все живое и уже не отпускающий. Глаза эти пронзали меня насквозь, причиняя какую-то странную холодящую боль, перерастающую в слабость. Я, сам не понимая, что происходит, сделал два шага по направлению к зверю, и только истошный крик Вали вывел меня из внезапного транса.

«Псионик, чтоб ему пусто было!» – осенило меня.

Внезапно мне в голову пришла простая и страшная мысль, от которой пот по спине заструился холодный пот: «Мне не одолеть эту зверюгу. По крайней мере, со своим ТТ. У этого монстра шкура, как добротный бронежилет, – такую и гранатомет навряд ли пробьет, чего уж говорить о моем пистолете».

И вновь глаза морглода блеснули маслянистой чернотой.

Я ощутил, как незримая инородная волна опять начинает стягивать мой мозг ледяным обручем. Глядя в пустые глаза монстра, я вдруг понял, что и само чудовище мертво. Мертво, как камень, как снег под ногами, как вакуум, порождаемый хвостом летящей пули. Труп. Не жилец.

Да только не все в этом странном мире, что умерло, обретает покой.

Монстр, судя по истлевшей у шеи коже и копошащимся в мышцах трупным червям, преставился уже давным-давно, но какой-то неведомой жуткой силой был воскрешен, чтобы превратиться в машину для убийства.

Мутант заревел и прыгнул вниз, в яму... Прямо на меня.

Разум мой оцепенел и теперь лишь наблюдал за разворачивающимся смертельным танцем, позволив действовать инстинктам.

Сначала мне пришлось молниеносно увернуться от летящей лапы. Та сила, с какой махнула тварь своей конечностью, подняла неслабый поток воздуха, едва не сбивший меня с ног. «Вот это мощь! И вправду движок от экскаватора у него там под кожей запрятан!»

Чудовище попыталось нанести второй удар, но я снова отскочил в сторону, при этом поскользнувшись на черепе и едва не угодив зверю в лапы. Удар пришелся в стену. Яма, словно колокол, наполнилась глухим вздохом, пробирающим до самых костей. Сверху на голову посыпалась земля.

Я ушел под лапу монстра, перехватил пистолет и прицель-

но выстрелил в морду твари. Пуля звякнула, отлетая от дубленой кожи, не причинив никакого вреда морглоду. Лишь только разозлила его до безумия. Он скорчил гримасу, обнажив желтые клыки. Не рот – мясорубка. Я невольно поежил-ся. Монстр дернул заостренными ушами, словно отгоняя на-зойливых мух, и атаковал.

Яма была достаточно большой, но не для огромной ту-ши морглода, который занял собой почти все пространство. Я теснился к стенам, использовал для лавирования пустоты между сгнивших корней деревьев, рискованно бросался в уз-кие щели. Ноги вязли в грудах костей, затрудняя движения, пару раз я едва не упал, поскользнувшись на отполирован-ных до блеска временем черепах.

– Ну что, обезьяна, потанцуем?

Тварь фыркнула, раскинула лапы, словно и в самом деле намереваясь станцевать, и двинулась в атаку.

Взмах!

И когти просвистели почти у самого моего носа. Я вове-мя сделал шаг в сторону, спасаясь от неминуемой гибели.

– Давай! И это все, на что ты способен?! – подначивал я чудовище, сам еще не понимая, как одолеть то, что уже мертво.

Вновь шаг назад – и мгновенное возвращение вперед. Я не давал загонять себя к стене, где меня ждала бы верная смерть.

Серия коротких ударов лапами, после которых на стене ямы появилось приличное углубление. Еще один выпад зверя. А следом – прыжок. Я выгнулся в сторону, уходя от монстра. Приземление морглода, как и мое, было болезненным. Он заревел, тут же встал – свирепый, как бык.

Я тоже поднялся, начиная чувствовать, что боль в ноге вернулась. Тягучая, пульсирующая. «Действие анальгетика проходит, – сообразил я. – Это плохо. Очень плохо. Недолго мне осталось тут скакать. Надо что-то предпринимать существенное. И как можно быстрее. Иначе...»

Подкравшись к монстру, я выстрелил ему в голову. «Не железная же у него башка, в самом деле! – рассуждал я. – Если не в лоб, где кость толстая, как бетонная стена, то хотя бы в висок попытаться попасть стоит. Или в глаза. – Догадка осенила меня внезапно. – Конечно же, глаза! В них стрелять надо».

Прыжок у меня, несмотря на боль в ноге, получился отличным.

На самом пике своего полета, видя черные щелочки глаз монстра, чувствуя зловоние его разлагающегося тела и почти искрящуюся, мертвую, чуждую человеческому сознанию, хтоническую силу, я нажал спусковой крючок.

«Чик», – сухо выдал пистолет.

«Что? Что значит – «чик»?!»

Сотая доля секунды искреннего непонимания. А потом – дикая злость. Кончились патроны. Вот так просто. Кончи-

лись, мать их, внезапно, как и моя жизнь. В самый неподходящий момент.

И тут же я получил сокрушающий удар в бок. Я отлетел в стену и, видимо, потерял на какое-то время сознание, потому что когда попытался подняться, морглюд уже стоял над мной с закинутой лапой, готовый переломать мне все кости.

Мне чудом удалось кувыркнуться в сторону от удара. Все тело налилось кромсающей болью, мозг едва не дымился, перебирая варианты спасения. Их не оставалось. Но я вдруг вспомнил о лазе, где уютно расположилась «энерго».

Аномалия находилась почти у самого выхода, преодолеть ее никак не получилось бы, но вот укрыться от морглюда было вполне возможно.

Так я и поступил.

Морщась от боли, я протиснулся внутрь тесного туннеля. Сырой запах мертвечины тут же ударил в нос. Крысы. Их обгорелые трупики щедро устилали земляной пол.

В полуметре от меня искрилась «энерго», переливаясь холодным свечением. Аномалия раскинулась от пола до потолка, словно паутина, перекрывая выход. «Убрать бы ее, разрядить... да как? Сделать из костей что-то наподобие отвода? Дык, кости ток не проводят. Можно попытаться их снегом намочить, чтобы увеличить проводимость, но все это очень рискованно». Я пнул крысиный трупик, тот шлепнулся об стенку и развалился на три уголька.

«Что есть у меня с собой? – Я быстро провел ревизию сво-

их карманов. – Скучная добыча: почти пустая аптечка, карта местности, купленная у одного проходимца (мог бы и обозначить эту яму, растуды её!) да химический карандаш – вот и все. Можно сказать, ничего. Неужели остается только два варианта: умереть от лап монстра или поджариться на «энерго»? Скверный выбор».

Морглод недовольно хрюкнул, попробовал залезть в мое убежище, но не смог, поэтому сунул лапу, пытаясь достать меня. Я прижался к стенке. С одной стороны, в полуметре от меня, была смертельно опасная аномалия, с другой – не менее опасный зверь, едва не задевающий меня своими когтями. От страха меня прошиб мелкий озноб. Перед глазами появилась жуткая картинка: монстр раздирает мне внутренности и с аппетитом их пожирает. Я с ужасом наблюдал, как морглод шарит лапой по шероховатому полу, выискивая свой ужин. Его толстые крючковатые пальцы, увенчанные штыками когтей, скребли по земле, оставляя на ней кривые борозды.

Монстр искал меня с похвальной терпеливостью, тщательно проверяя каждый сантиметр пространства.

Наконец, устав шарить впустую, морглод вынул лапу, тем самым давая мне передышку.

Но отдохнуть я не стал. Трясущимися руками схватил первое, что попало на глаза, – человеческую кость. В последней своей схватке я решил как следует искалечить засранца, прежде чем стать его ужином.

С помощью камня и пары хороших ударов мне удалось расщепить кость у основания под углом. Обломок получился острым, как пика. «Бить надо будет в тыльную сторону лапы, туда, где проходят сухожилия. Если повезет, то удастся обездвижить конечность, что весьма сильно усложнит жизнь морглоду».

Мысли прервались новой попыткой монстра найти меня. Я схватил обеими руками свое оружие, прицелился и ударил. Но мое самодельное копьё с хрустом рассыпалось, соприкоснувшись с толстой и крепкой, как лист железа, кожей морглода. Монстр тут же принялся шарить лапой в том месте, куда упали обломки кости. В весьма опасной близости от «энерго»...

У меня перехватило дыхание. «А это идея! Надо лишь подтолкнуть зверя».

Выгибаясь, как удав, чтобы не задеть конечность чудища, я схватил ещё одну кость и швырнул в сторону аномалии. Монстр засопел, еще глубже просовывая лапу. Махнул кистью, сдувая с «энерго» искорки. «Ну же! Еще чуть-чуть!»

Но морглод убрал конечность. Я тихо выругался, понимая, что, возможно, второго такого шанса уже не будет. И только я помянул недобрым словом всю родословную зверюги до седьмого колена, как он вновь с остервенелой злобой засунул лапу в пещеру. Его стремительный бросок пришелся бы мне точно в ноги. Но я, пребывая в напряженном состоянии, граничащем с безумием, успел вовремя отреагировать

и уклонился, больно врезавшись в стену норы.

Монстр стал шарить еще глубже, погружая кончики пальцев в холодное сияние «энерго». От ожидания заветного момента у меня спёрло дыхание.

Аномалия жадно облизнула плоть зверя голубыми языками, обвилась змеёй вокруг его запястья и нанесла смертельный удар.

Затрещало так, словно тысячи сверчков вдруг разом решили исполнить адскую симфонию. Пещера озарилась нестерпимо ярким светом.

Воздух выжгло за считанные секунды. Стало тяжело дышать. Но я не смел даже шелохнуться.

...А потом монстр взвыл. «Энерго» схватила его конечность и уже не отпускала – до тех пор, пока не высвободила всю накопленную энергию. Зашипела вскипающая в звериных венах кровь, что-то глухо лопнуло.

А потом все затихло.

Я посмотрел на аномалию, убедился, что она полностью разряжена. Путь на свободу был открыт. Но времени оставалось мало. В любой момент «энерго» могла вновь стать активной, а мне надо было успеть сделать еще одно важное дело.

Протискиваясь между телом морглода и корнями дерева, я вновь влез в яму. Неприятное чувство кольнуло сердце: «А вдруг не успею? Останусь тут навечно, с разлагающимся телом мутанта и рухнувшими надеждами на спасение...» Я

умылся снегом, отгоняя дурные мысли.

Вытащил из укрытия Сашку. Тот, как оказалось, уже давно пришел в себя, но продолжал лежать, не в силах от дикого страха даже пошевелиться.

– Вставай, у нас мало времени. Идти надо, – скомандовал я.

Он что-то невнятно промычал.

– Некогда. Все потом. – Я легонечко подтолкнул его в спину, давая понять, что нам следовало бы поспешить. – Сейчас выбираться отсюда надо, скоро «Энерго» опять дорогу перекроет.

– М-морглод мертв? – заикаясь, спросил Санька, недоверчиво поглядывая на грузное тело мутанта.

– Мертв, – кивнул я.

– Это что же получается, ты спас меня?

– Сам решай, – сказал я. – Спас тебя или не спас – мне не важно. Главное – выбраться из этой могилы. Пока это возможно, Санька. – Я сделал упор на слово «пока». – Слышишь? «Энерго» скоро...

– Да, да, конечно, – тут же спохватился парнишка и рванул вперед меня.

Мы выбрались из ямы.

И сразу стало легче дышать.

Не думал я, что буду так рад видеть вновь этот серый пейзаж: облезлые деревца, ссутуленные от налипшего снега, ка-

менистый утес вдали, раскисшая от грязи тропинка, – все это показалось мне таким прекрасным и полным жизни, что я невольно улыбнулся.

– Может, ко мне в деревеньку заглянете? – предложил Санька. Я не стал отказываться.

– Зайдем. Накормишь хоть.

Санька быстро закивал и затараторил:

– Накормлю! Конечно, накормлю. Как не накормить-то? Такое дело! Там у меня есть...

Я его уже не слушал – смотрел по сторонам, выискивая Валю.

Она бежала вдоль утеса, утопая по колено в мокром снегу.

– Леша! Живой?

– Живой, – кивнул я, улыбаясь. Потом бросился к ней, расцеловал что было сил.

– Я пошла искать веревку, а там такое... Я кричала, думала, сожрет меня... потом ты... и оно к тебе пошло, в яму... я думала, со страху помру... – едва сдерживая слезы, говорила Валя.

– Успокойся, грохнули мы этого морглода.

– Морглод? – не поняла Валя. Потом, заметив наконец Саньку, вопросительно глянула на меня.

– Знакомый мой новый, – улыбнулся я. Все тело после удара монстра неимоверно болело, и я едва сдерживался, чтобы не застонать. К тому же нога вновь начала саднить. – Нам

надо отдохнуть и набраться сил. Пойдем.

– Куда?

– Тут недалеко Вознесенское, деревенька моя, там безопасно, – торопливо пояснил Санька.

– Безопасно, говоришь? – переспросил я.

Санька кивнул.

– Как у Христа за пазухой.

– Хорошо, пойдем. Отдохнем как следует. А потом и дальше в путь двинем, на запад.

Глава 4

Снежная буря

Все то время, пока мы шли от злосчастной ямы до Вознесенского, падал крупный снег, принося с небес тишину. При полном отсутствии ветра он ложился ровным слоем на плечи, как погоны, и Санька, видимо, не очень жалующий это дело, по-лошадиному воротил спиной, стряхивая с одежды белые пушистые хлопья.

К тому времени, как мы вышли к накатанной дороге с покосившейся табличкой «Вознесенское – 2 км», снег стал густым и тяжелым и валил плотной стеной. Рассмотреть что-либо дальше вытянутой руки было невозможно.

– Метель скоро будет, – сказал раздраженно Санька, смахивая с ресниц снежинки.

– Уже, – ответил я, поглядывая на круглые, выступающие, как костяшки кулаков, облака, под которыми уже начинала бесноваться выюга. – Не заблудиться бы.

– Не заблудимся, – махнул рукой Санька. – Я эту местность как свои пять пальцев знаю. Уже недалеко осталось. Поспешим, а то...

Продолжение его фразы я не расслышал – в лицо ударил порыв пронизывающего ветра, словно рухнувшего на нас прямо с небес.

Шли мы медленно, увязая в снегу и часто останавливаясь,

чтобы оглядеться и наметить безопасный путь. Но как бы тщательно ни выбирали дорогу, непременно заходили в какую-нибудь присыпанную снегом низину, месили там снег, ругаясь про себя последними словами, а потом долго выбирались оттуда.

Вконец уставшие, мы решили сделать небольшой привал. Санька тут же плюхнулся в сугроб. Я тоже присел. У меня болело все тело, пострадавшее в схватке с морглом, но, к счастью, у Вали нашлась какая-то сильная болеутоляющая таблетка, которую я тут же и проглотил. Закусив горечь пилюли снегом, я спросил у Саньки:

– До ночи-то успеем?

– Успеем, – кивнул тот, растирая красные щеки.

– Хорошо бы, – буркнула Валя.

– Сань, все спросить тебя хочу, – начал я. Тот внимательно глянул на меня. – Да про морглода этого. Давно ли такое чудище по местности вашей бродит?

Паренек махнул рукой.

– С полгодика будет. До этого тихо было. Без опаски в лес ходили: кто – по грибы да ягоды, кто – артов каких маломальских собрать на продажу. А тут завелась такая невидаль. Мужики наши поначалу хотели пристрелить зверюгу эту, да только силёнок не хватило. Подмяла тварь четверых наших за раз – мокрого места от них не осталось. Потом еще многих убила – из тех, кто в лес ходил.

Я вспомнил дно ямы, усыпанное человеческими костями,

поежился.

– А как нам без леса? – продолжил паренек. – Оттуда ведь и идет вся жизнь наша: и еда, и заработок какой-никакой. Я до этого случая только один раз видел морглода – издалека, правда. Испугался. Да как быть? У меня мамка болеет, еле ходит, бати нет, давно уже повесился, мне трех лет не было. Выживать-то надо как-то. Вот и ходим. Боимся до чертиков, а ходим. – Хмурую Санькину физиономию озарила широкая улыбка. – Но теперь по-другому все станет. Как только узнают наши, что извели мы... то есть вы... гада этого, так на руках носить будут. И в лес, самое главное, ходить без опаски можно теперь!

– Ладно уж, – остановил я его болтовню. – Хорош расслаиваться, отдохнули, надо идти.

И мы вновь пошли.

– Странные какие-то места, – сквозь вой ветра крикнула Валя. – Погода меняется буквально на глазах!

Метель и в самом деле разгулялась не на шутку.

– Говорят, это из-за аномалии какой-то, – ответил Санька, укрывая лицо. – Под землей вроде как она. Сбивает, эти, как их, гео... геомагнитные поля разные. Тут всегда так – глядишь, тепло и солнце светит, а через минуту уже буран собирается. Небо такой чернотой заволакивает, что, грешным делом, думаешь: все, опять Судный день начинается. Привыкли уже мы.

– И большой поселок-то ваш? – спросил я, пытаюсь рас-

смотреть сквозь молочную пелену дорогу.

– Ну, не сказать, что большой, но и не маленький. Человек триста наберется.

– И дети есть? – спросила Валя.

– А чего ж им не быть? – хитро сощурившись, сказал Санька. – Есть, конечно. У Ворониных, вон, дите подрастет. У Стрельниковых девочка тоже есть. Тяжело, конечно, в этом плане, много отторгнутых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.